
Ассоциация исследователей российского общества (АИРО)

Серия «АИРО — научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века»

ИСТРЕБИТЕЛЬНАЯ
ВОЙНА НА ВОСТОКЕ
ПРЕСТУПЛЕНИЯ ВЕРМАХТА В СССР
1941–1944

ДОКЛАДЫ

Под ред. Габриэле Горцка и Кнута Штанга

Москва
АИРО
2005

Международный совет издательских программ и научных проектов АИРО

Г. А. Бордогов	главный редактор
А. Г. Макаров	генеральный директор
С. П. Щербина	арт-директор
К. Аймермахер	Рурский университет в Бохуме
Д. Байрау	Тюбингенский университет
В. Берелович	Высшая школа по социальным наукам, Париж
Б. Бонвеч	Рурский университет
Р. Бургер	INTAS, Брюссель
Х. Вада	Токийский университет
А. Ю. Ваглин	МГУ им. М. В. Ломоносова
Л. С. Гагагова	Институт российской истории РАН
П. Гобл	Фонд Потомак
Г. Горцка	Кассельский университет
А. Грациози	Университет Неаполя
Р. У. Дэвис	Бирмингемский университет
Е. Ю. Зубкова	Институт российской истории РАН
Ст. Коэн	Принстонский, Нью-йоркский университеты
А. Ч. Касаев	Журнал политической мысли России «Политический класс»
Дж. Д. Морисон	Лидский университет
В. Э. Молодяков	Университет Такусёку
И. В. Нарский	Южно-Уральский государственный университет
В. А. Неvejeин	Институт российской истории РАН
Н. Неймарк	Стэнфордский университет
Д. Рейли	Университет Северной Каролины на Чапел Хилл
Б. В. Соколов	Московский государственный социальный университет
Т. А. Филиппова	Российский исторический журнал «Родина»
Я. Хоулетт	Кембриджский университет
Ю. Шеррер	Высшая школа по социальным наукам, Париж

Публикуется благодаря поддержке
Ost-West-Wissenschaftszentrum
Universitaet Gesamthochschule Kassel

Истребительная война на востоке. Преступления вермахта в СССР. 1941–1944. Доклады. Под ред. Габриэле Горцка и Кнута Штанга. Серия «АИРО — научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 18. — М.: АИРО, 2005. — 96 с.

ISBN 5-88735-147-0

ISBN 5-88735-147-0

© Kassel University Press GmbH, 2005.
© АИРО-XX, 2005.

СОДЕРЖАНИЕ

К ЧИТАТЕЛЮ	7
<i>Ханнес ГЕЕР</i> Предисловие	8
<i>Габриэле ГОРЦКА</i> Истребительная война на Востоке Введение	11
<i>Юрий РЫБАЛКИН</i> Преступления вермахта до нападения на Советский Союз	17
<i>Михаил ЛЁШИН</i> Преступления вермахта против военнослужащих Красной Армии и советских партизан	25
<i>Геннадий БОРДЮГОВ</i> Преступления вермахта против гражданского населения	40
<i>Александр ЕПИФАНОВ</i> Военные преступники из числа бывших военнослужащих вермахта перед советским судом	54
<i>Кнут ШТАНГ</i> Вина и признание вины. Продолжающиеся трудности при осмыслении старой проблемы	70
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	89

К ЧИТАТЕЛЮ

Публикуемые доклады впервые были представлены на конференции, организованной Научно-исследовательским центром «Восток–Запад» Кассельского университета в июне 1998 года. Через год материалы дискуссии под редакцией Габриэле Горцкой и Кнута Штанга вышли на немецком языке.

Примечательность конференции состояла в том, что она проходила в контексте передвижной документальной экспозиции о преступлениях вермахта, подготовленной Институтом социальных исследований в Гамбурге (директор — профессор, руководитель выставки — Ханнес Геер). Эта выставка действовала с марта 1995 до ноября 1999 г., а затем с декабря 2001 г. Временное прекращение работы было связано с допущенной ошибкой в атрибуции нескольких фотографий, что, однако, не опровергало основное положение концепции: «Вермахт играл руководящую роль в преступлениях или поддерживал преступления против военнопленных, евреев, гражданского населения на Восточном фронте». Выставку посетило около миллиона жителей в почти сорока городах Федеративной Республики Германии. Издано более двух десятков книг, посвящённых дебатам вокруг выставки. Благодаря публикациям профессора А. И. Борозняка об этом хорошо известно российским историкам и всем, интересующимся историей Второй мировой войны.

Накануне 60-летия Великой Победы проблема преступлений и осознания вины за преступления вновь оказалась в центре внимания не только исследователей, но и политиков, активистов многих общественных организаций.

Данное издание способно представить читателям новые ракурсы проблемы, познакомить со сложившимися взглядами на неё в России и Германии, сориентировать в известных и неизвестных источниках о результатах «войны на истребление».

Ханнес ГЕЕР

ПРЕДИСЛОВИЕ

Как сказал ещё в начале 70-х гг. XX века один пронизательный наблюдатель, германские генералы добились после 1945 г. своих величайших побед. Это были победы стратегического значения. Казалось, десятилетиями ничто не могло поколебать такую ситуацию. Сегодня мы знаем, что эти победы оказались лишь преходящими.

Историю окончательного поражения вермахта можно разделить на две фазы.

На первой фазе — с 1945 по 1965 гг. — в литературе о Второй мировой войне доминировали исследования техники и организационной истории, например, штабов и воинских частей (Тессин), рекрутирования и военной службы (Абсолон), а также бесчисленные мемуары генералов — «Воспоминания солдата» Хайнца Гудериана, «Солдат до последнего дня» Альберта Кессельринга или важнейшие в этом ряду «Проигранные сражения» Эриха фон Манштейна. Как констатировал американский военный историк Омер Бартов, автор известных работ «Восточный фронт» и «Армия Гитлера», «общее для этих трудов заключалось в том, что они в общем и целом воспринимали и представляли точку зрения вермахта на войну, невзирая на то, что больше нет ни вермахта, ни режима, которому они служили». Такой взгляд на вещи был официальным, он преподавался в высших учебных заведениях и вбивался в головы школьников. Это происходило невзирая и на то, что уже в 70-е гг. появились критические исследования рассматриваемых проблем, обязанные своим появлением историкам Джону Уилер-Беннету, Гордону А. Крэйгу или Александру Далину, пользовавшимся международной известностью, и вопреки тому, что уже с Нюрнбергского процесса, в особенности же после двух процессов, рассматривавших преступления вермахта и его генералов, т. е. с 1948 г., не могло существовать сомнений относительно роли вермахта в национал-социалистской системе и его преступлений.

Вторая фаза начинается с окончанием системы Аденауэра. Её начало знаменуют освенцимский процесс, студенческое движение, начало политических изменений и обновления. В работах Ханса-Адольфа Якобсена о «Приказе о комиссарах» (1965), Манфреда Мессершмидта о национал-социалистской индоктринации вермахта (1969), Андреаса Хилльгрубера об истребительной войне (1969), Христиана Штрайта об обращении с советскими военнопленными (1979), Хельмута Краусника и Ханса-Генриха Вильгельмса о преступлениях айнзацгрупп (1981), — и это лишь некоторые наиболее важные труды из данного ряда, — и, наконец, в монографии «Германский рейх во Второй мировой войне», издававшейся военно-историческим институтом с 1979 г., пробил себе дорогу новый взгляд на проблемы. В этих работах констатировалось, что, во-первых, война против Советского Союза велась с нарушением международных законов и обычаев войны, во-вторых, она была войной грабительской и истребительной, на характер которой оказала сильное влияние расовая политика национал-социализма и, в-третьих, эта война суммировала вышеназванные элементы таким образом, который позволяет говорить о ней как о преступной войне. Сколь ни замечательна была эта литература, — а без неё мы, молодые историки, не были бы тем, кем мы стали, — сколь ни достойны уважения были усилия старших коллег, всё-таки обращают на себя внимание два обстоятельства.

1. В этой литературе не принимаются во внимание публикации о войне учёных из стран, в прошлом подвергшихся агрессии, т. е. прежде всего из Советского Союза, Польши или Югославии. Данное обстоятельство объяснялось не только языковыми проблемами, о чём свидетельствовало, например, отсутствие восприятия историографии ГДР, в которой учитывались работы советских, югославских, польских или чешских историков. Если отвлечься от предисловий, написанных в высокопарном марксистско-ленинском стиле, то с начала 70-х гг. появились очень точные в военно-историческом отношении исследования истребительной войны на Востоке. Я назову только несколько имен — Норберт Мюллер, Дитер Айххольц, Клаус Гесснер, Курт Петцольд. Работы этих авторов и сегодня неоспоримы с точки зрения научного содержания и их результатов. Вся эта литература не была воспринята и нашими критически настроенными коллегами, в ту пору работавшими в военно-научном управлении во Фрайбурге.

2. В этой военно-исторической литературе критического направления отсутствуют исследования по трем темам — о партизан-

ской войне, об участии вермахта в холокосте, о менталитете вермахта. Я хочу ещё раз процитировать Омера Бартов, который, прежде всего имея в виду труд «Германский рейх во Второй мировой войне», изданный военно-научным управлением во Фрайбурге, констатировал, что отказ заниматься исследованием холокоста как части войны «был, конечно, более или менее обоснован предчувствием того, какие потенциальные политические последствия могло бы иметь такое исследование... Не только военнослужащие низших рангов, т. е. молодые люди, — продолжает Омер Бартов, — были решающим фактором «окончательного решения», но и массовое соучастие «должно было неизбежно продолжиться в позициях молодого поколения — именно того, которое уже вскоре в качестве элиты Германии вошло в политику, экономику и духовную жизнь».

Встречались и аутсайдеры, журналисты, отваживавшиеся дать обществу почувствовать объективный и точно воссозданный образ войны, прежде всего на Востоке. Назову Эрнста Клее с его альбомами «Прекрасные времена. Убийства евреев — глазами евреев и сторонних наблюдателей» (1988) и «С нами Бог. Истребительная война Германии на Востоке» (1989) или Пауль Коль, который в 1985 г. отправился по следам группы армий «Центр» в белорусские и российские деревни и города, где собирал свидетельства об убийствах и других зверствах, жертвами которых стали миллионы людей. На основе этих материалов в 1990 г. была опубликована книга, взбудоражившая общественность.

Были и молодые историки, в частности, австриец Вальтер Мауношек, соавтор нашей выставки, который в своей книге «Сербия свободна от евреев. Оккупационная политика и уничтожение евреев в Сербии» (1993) впервые предпринял попытку показать партизанскую войну и холокост на примере одного участка фронта — в сфере военного управления Сербией. В числе аутсайдеров был и Гамбургский институт социальных исследований, который, организовав выставку в 1995 г., завершил этот эпохальный перелом.

Посмотрим сегодня, что из этих результатов окажется состоятельным с точки зрения российских коллег.

Габриэле ГОРЦКА

ИСТРЕБИТЕЛЬНАЯ ВОЙНА НА ВОСТОКЕ

Введение

Заседание на тему «Истребительная война на Востоке. Преступления вермахта в Советском Союзе глазами российских историков», которое было организовано Научным центром «Восток–Запад» университета Касселя образовало, дополняя кассельскую выставку «Преступления вермахта», форум для научного рассмотрения определённого круга тем. Угол зрения был сознательно изменён: впервые российским историкам предоставлялась возможность показать неизвестные до сих пор материалы из советских архивов и результаты новейших исследований, предложив их на обсуждение в контексте немецкой выставки.

Встреча с российскими учёными и рассмотрение их позиций дают возможность превратить в тему обсуждения вопрос о двойном вытеснении, свойственном коллективной немецкой памяти о Второй мировой войне. К легендам о вермахте, придерживавшемся международно-признанных правил ведения войны и не сотрудничавшем с эсэсовскими убийцами, т. е. к вытеснению преступлений против человечества, прибавилось второе вытеснение, которому благоприятствовало то обстоятельство, что с началом «холодной войны» Россия снова оказалась идеологическим противником в послевоенной Европе. Заново оживлялись старые образы врага, вновь использовался призрак коммунизма в качестве угрозы западной цивилизации, позволяя наложить табу на вопрос о немецкой виновности, а также об индивидуальной моральной несостоятельности во время истребительной войны в России.

Генрих Бёльль писал в 1979 г. в предисловии к немецкому изданию американского альбома «Из Москвы в Берлин. Война на Востоке глазами русских фотографов»: «“Холодная война” между союзниками по Второй мировой войне, создавшая ледяную атмосферу

конфронтации и “железный занавес”, переместила за этот занавес многое, что до сих пор не проникло в сознание мировой общественности: невиданные страдания и жертвы народов, широкомасштабные изгнания, насильственные переселения народов на больших территориях Западной Европы... “Холодная война” воспрепятствовала не только *пониманию* страданий, но даже их простому *восприятию*...».

Следует ответить на вопрос, почему общественная дискуссия прокладывает себе дорогу лишь несколько десятилетий спустя, несмотря на то, что всегда были в достаточном объёме известны документы, позволявшие критически рассматривать преступления вермахта. Мы должны признать, что толчок для этого последовал не из нашего общества, а извне. Только в 90-е гг., после прекращения конфронтации между блоками, после краха коммунизма, открылся клапан, до сих пор препятствовавший самокритичному восприятию. В конце концов перестал существовать идеологический враг и связанный с ним повод к вытеснению собственной коллективной вины. Так стала возможной выставка, организованная Гамбургским институтом социальных исследований, поколебавшая давние табу и вызвавшая большое внимание общественности, эмоции, а также критические и самокритичные размышления.

Научный центр «Восток–Запад» разработал в 1995 г., по случаю 50-й годовщины окончания войны, документальную выставку на тему «Пропагандистская война на Востоке», в которой на основе стереотипов образа врага, применявшихся в идеологической войне, было показано, как соединение большевизма и еврейства позволило пропагандистской машине национал-социализма одновременно атаковать и элиминировать двух врагов. Завоевательный поход на Восток объявлялся в идеологическом плане освободительной борьбой против коммунизма, тогда как настоящая цель гитлеровской политики на Востоке заключалась в захвате экономического пространства для Германской империи и в создании жизненного пространства для миллионов немцев, которых предполагалось поселить там на протяжении 25 лет. При этом сознательно принималось во внимание то обстоятельство, что «многие из 10 млн. людей в этой области будут излишними и умрут или им придётся переселиться в Сибирь» (Экономический штаб «Ост» 23.05.1941). Эта стратегия подготавливалась расовой теорией национал-социализма, провозглашавшей биологическую и социальную неполноценность славян.

По немецким расчётам предполагалось изгнать или уничтожить 30 млн. русских, чтобы дать место для поселения немцев. В соответствии с этим война против России велась как завоевательная и истребительная война без всяких «но» и «если». Классификация воен-

ного противника как «недочеловека» снижала во время восточного похода порог физического уничтожения, этническая чистка и традиционная война сплелись в организованную систему насилия и разрушения.

Этические стандарты ведения обычной войны в том виде, как они были сформулированы в Гаагской 1907 и Женевской 1927 гг. конвенциях, действовали только на Западном фронте, на Востоке они не имели силы. В этой связи часто цитируется изданная высшим командованием 6 июня 1941 г. директива об обращении с политическими комиссарами. Основываясь на утверждении о том, что «в борьбе с большевизмом нельзя рассчитывать на соблюдение врагом принципов человечности или норм международного права», ОКВ приказывало пленным политических комиссаров «незамедлительно уничтожать, применяя оружие». Факты тотального ведения войны известны: в стратегию систематического уничтожения входило осуждение пленных русских на голод, в результате чего из 5,7 млн. пленных красноармейцев 3,3 млн. умерли от истощения и болезней или были расстреляны; в стратегию систематического уничтожения входило убийство гражданского населения с помощью голодной блокады. Только в Ленинграде во время 900 дневной осады с сентября 1941 по январь 1943 гг. умерло 800 тыс. человек.

В эту тактику входило и беспощадное подавление сопротивления со стороны гражданского населения или партизанского движения, которое вермахт осуществлял согласно приказу фюрера от 1942 г.: «Войска... имеют право и обязаны в этой борьбе применять без ограничений любые средства против также женщин и детей, если их использование ведёт к успеху» (Приказ начальника ОКВ генерал-фельдмаршала Кейтеля от 16.12.1942) (приказ о «борьбе с бандитами»).

Вопрос о том, как функционировало «разделение труда между убийством и решением бюрократических проблем» (американский историк Рауль Хильберг), которое осуществляли СС и вермахт, до сих пор осмысливался лишь в виде намёток или освещался наподобие ярких вспышек света фотодокументами выставки, посвящённой преступлениям вермахта.

Цель публикации материалов заседания — собрать новые элементы той «мозаики», которой является дифференцированное представление о вермахте и сделать вклад, пусть даже совсем небольшой, в совместное конструктивное осмысление ужасов войны, которые определяли отношения между немцами и россиянами со времени окончания войны и которым ещё долго суждено воздействовать на характер будущих отношений. Даже если и не удастся рационально

понять систематическое уничтожение людей ввиду одной лишь их этнической принадлежности, то языковое и визуальное преодоление табу представляет, вероятно, возможность усилить способность к критическому восприятию и впечатлительность для того, чтобы впредь смело противостоять в нашем обществе мышлению и поведению, зиждущемуся на презрении к человеку.

Юрий *Рыбалкин* касался в своём докладе преступлений вермахта, совершённых до нападения на Советский Союз в 1941 г. Уже во время гражданской войны в Испании (1936–1939 гг.) легион «Кондор» нарушал международно-правовой запрет на бомбардировки невоенных объектов. В центре доклада — описание планирования военных преступлений против СССР. Представлены выдержки из планов нападения (указания, приказы, распоряжения и директивы командных и штабных органов вермахта, в том числе указание Гитлера № 21 от 18 декабря 1940 г. (план «Барбаросса»).

Михаил *Лёшин* описал на основе архивных документов, свидетельств очевидцев и анализа российской историографии участие вермахта в преступлениях, совершённых во время Второй мировой войны на советско-германском фронте. В их числе жестокое обращение с пленными военнослужащими и партизанами, взятие и убийство заложников, бессмысленное разрушение населённых пунктов и памятников культуры. О запланированной истребительной войне на Востоке в кругах германского Верховного командования, включая командующих и начальников штабов групп армий, командиров корпусов и дивизий стало известно во время совещания у Гитлера 30 марта 1941 г., за несколько месяцев до начала нападения. Директивы, полученные во время совещания, стали позже составной частью приказов и оперативной документации вермахта на всех уровнях и подлежали безусловному исполнению. Ещё до начала войны были установлены и правила обращения с военнопленными. Первые документы по этому вопросу касались в основном судьбы пленных политических комиссаров. В них планировалось не рассматривать этих лиц в качестве пленных, а расстреливать их на месте. Позже, уже во время войны, были подготовлены директивы, приказы и инструкции ОКВ и ОКХ, требовавшие от военнослужащих вермахта жесткого обращения со всеми без исключения советскими военнопленными. Невыносимые условия, в которых находились военнопленные, привели к тому, что около половины из них умерли.

Антипартизанская борьба, объявленная Гитлером в дополнение к приказу № 46 от 18 октября 1942 г. «борьбой на полное уничтоже-

ние одной из сторон», велась бесчеловечными методами, включая арест и умерщвление якобы подозрительных мирных жителей, безвинных женщин и детей, уничтожение целых деревень в качестве превентивных мер или мер возмездия. В директиве ОКВ от 16 декабря 1942 г. Кейтель от имени Гитлера снял с военнослужащих вермахта всякую ответственность за преступления, совершаемые во время антипартизанской борьбы. В соответствии с подписанным Йодлем указанием ОКВ от 7 октября 1941 г. войскам запрещалось от имени Гитлера принимать капитуляцию Ленинграда и Москвы, если бы она была предложена. Все города, включая два названных, должны были быть перед их взятием разрушены артиллерийскими обстрелами и бомбардировками. В результате сотни городов и тысячи деревень были разрушены вермахтом полностью или частично или сожжены. Разграблены и разрушены оказались сотни музеев мирового значения. Факты этих преступлений были доказаны документами вермахта, показаниями свидетелей, протоколами комиссий по расследованию преступлений и фотоматериалами.

Основываясь на архивных документах, в числе которых свидетельства очевидцев, отчёты НКВД и политорганов РККА, а также письма, найденные у погибших немецких солдат, Геннадий *Бордюгов* охарактеризовал террор вермахта против гражданского населения: использование мирных жителей при разминировании или в качестве живого щита, насильственную отправку на принудительные работы, систематические изнасилования и унижения русских женщин во фронтовых борделях. Г. Бордюгов указывает на заинтересованность молодых российских историков в формировании дифференцированного образа военнослужащих вермахта и тем самым расширении спектра дебатов историков в России. Он цитирует документы, свидетельствующие о критических настроениях военнослужащих вермахта — от проникнутой самоиронией частной дистанцированности от событий до публичных выговоров «солдатам-грабителям» и приказам войскам о более бережном отношении к людям, земле и животным на занятых территориях.

Александр *Епифанов* рассматривал уголовное преследование в Советском Союзе военных преступлений, совершенных военнослужащими вермахта. Основу его доклада составили неисследованные до сих пор руководящие документы и отчеты органов НКВД–МВД СССР, касавшиеся уголовно-правового преследования нацистских преступлений, совершённых военнослужащими вермахта, соответствующие следственные и судебные материалы, а также статистические данные и научные работы. Рассматривалось уголовно-правовое

преследование военных преступников, практика установления фактов преступлений, следствия и судебного разбирательства по соответствующим делам. А. Епифанов описывает развитие событий от деятельности открытых военных трибуналов, которые, основываясь на показаниях свидетелей и доказательственных материалах назначенной в 1941 г. Верховным Советом СССР Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию преступлений немецко-фашистских захватчиков, выносили отдельные приговоры, до больших процессов над военными преступниками после 1945 г. и практиковавшихся с 1947 г. «внутренних» трибуналов, выносивших общие приговоры по делам целых подразделений и пересматриваемых в настоящее время.

Сборник завершается докладом немецкого историка Кнута Штанга, рассматривающего вопрос об определении понятия «вина» и отношения в немецком послевоенном обществе к моральной оценке национал-социалистических преступлений. Штанг описывает механизмы индивидуального и коллективного вытеснения вины за немецкие военные преступления. Наложение табу и вытеснение были до сих пор стратегиями, с помощью которых палачи и общество защищали свою идентичность. Этим объясняется острая реакция в Германии на «Выставку о вермахте», ставшую инструментом слома табу.

Выступления российских экспертов и доклады специалистов затрагивали некоторые аспекты темы и показывали широту исторического изложения — от потрясающего описания отдельных событий до трезвого анализа и статистических итогов. Встречи немецких и российских учёных позволили не только сопоставить темы и позиции, но и убедиться в том, сколько «белых пятен» ещё существует с обеих сторон в историческом анализе войны. Также следует положительно воспринять и предложение российских коллег об интенсификации немецко-российского сотрудничества в деле научного осмысления нашей общей истории.

Юрий РЫБАЛКИН

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ВЕРМАХТА ДО НАПАДЕНИЯ НА СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

Тема моего выступления — вопрос планирования вермахтом преступлений против СССР с момента подписания закона о создании вермахта 16 марта 1935 г. до начала агрессии Германии против СССР 22 июня 1941 г.

Гражданская война в Испании 1936–1939 гг. была прелюдией большой войны. В те годы вермахт совершил свои первые преступления, а на земле и в небе Пиренейского полуострова встретились будущие противники Второй мировой войны — Германия и СССР, причём Советский Союз потерпел тогда поражение.

На испанском полигоне Германия испытывала новейшие средства вооружённой борьбы. Вместе с военной техникой и оружием из Германии было переправлено специальное соединение — легион «Кондор». Он печально знаменит тем, что его авиация 26 апреля 1937 г. ожесточёнными бомбардировками фактически уничтожила Гернику — беззащитный городок в стране Басков, центр древней культуры. Это преступление гневно и страстно заклеил великий художник Пабло Пикассо, создавший в том же году знаменитое полотно «Герника». Бомбардировкам и обстрелам подверглись и другие города Испании, среди них — Аликанте, Мадрид, Барселона. Так в 30-е гг. в далёкой Испании вооружённые силы Германии открыли счёт свои преступлениям.

Что же входит в понятие «преступления»? По своему конкретному содержанию действия, образующие их состав, весьма разнообразны. При рассмотрении отдельных видов преступлений мы исходим, в основном, из перечня преступлений, приведенных в Уставе и обвинительном заключении Нюрнбергского процесса.

Ст. 6 Устава Международного военного трибунала признаёт преступными следующие действия:

«а) преступления против мира, а именно: планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений, или участие в общем плане или заговоре, направленных к осуществлению любого из вышеизложенных действий;

б) военные преступления, а именно: нарушение законов или обычаев войны. К этим нарушениям относятся убийства, истязания или увод в рабство или для других целей гражданского населения оккупированной территории; убийства или истязания военнопленных или лиц, находящихся в море; ограбление общественной или частной собственности; бессмысленное разрушение городов или деревень; разорение, не оправданное военной необходимостью, и другие преступления;

с) преступления против человечности, а именно: убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершённые в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам с целью осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции Трибунала, независимо от того, являлись ли действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет» (1).

Общеизвестно, что основным инструментом, при помощи которого германское правительство осуществляло эти нарушения, была организация СС с её подразделениями. Однако большая часть преступлений пришлась на долю вермахта. С самого начала генералитетом было санкционировано нарушение Гаагских конвенций о ведении военных действий (2).

Английский военный историк Б. Лиддел Гарт в 8-м томе британской «Истории Второй мировой войны» (3) подчёркивает, что при подготовке и планировании агрессии Германии против Советского Союза не было противоречий между Гитлером и германским генералитетом. «Нет никаких доказательств, что генералы главного командования сухопутных войск (ОКХ) возражали против решения Гитлера напасть на Советский Союз. После войны Гальдер с издевкой напишет о “русской аванюре Гитлера” и заявит, что командующие сухопутными войсками Германии были с самого начала против войны с Россией. Но в объёмистом дневнике Гальдера за 1940 г. нельзя отыскать ни одной записи, которая подтверждала бы эти утверждения. Более того, они оставляют впечатление, что Гальдер с подлинным энтузиазмом относился к этой “аванюре”, за планирование которой он, как начальник генерального штаба ОКХ, нёс основную ответственность» (4).

В материалах Нюрнбергского процесса приводится подробное перечисление агрессивных войн, которые были спланированы, подготовлены, развязаны и проведены Германией против Польши, Соединённого Королевства, Франции, Дании, Норвегии, Бельгии, Нидерландов, Люксембурга, Югославии, Греции, СССР, США. К июню 1941 г. Германия, используя шантаж, подкуп, угрозу применения силы и прямую вооружённую агрессию, совместно с Италией, Венгрией и Болгарией оккупировала 12 стран Европы общей площадью около 2 млн. кв. км и населением свыше 190 млн. человек (5). Это значительно превосходило территорию и население самой Германии.

Следует особо подчеркнуть: если в ходе предшествовавших операций вермахта в Европе планы устройства «нового порядка» в покорённых странах, подчинения их людских и экономических ресурсов интересам Германии обычно разрабатывались уже после завершения агрессии, то будущее Советского Союза, его населения и экономики прогнозировалось и утверждалось заблаговременно. Они разрабатывались одновременно с оперативно-стратегическим планированием «восточного похода», с подготовкой германских вооружённых сил и экономики к войне. Поэтому характерной особенностью преступлений вермахта в войне против Советского Союза являлось заблаговременное планирование преступных действий. Это повлекло и грубейшие нарушения законов и обычаев войны.

Наиболее ярко преступные цели «восточного похода» Германии отразились в программных речах Гитлера, с которыми он выступал перед руководящими деятелями нацистской партии и вермахта в первой половине 1941 г., в приказах и распоряжениях ОКВ и ряде других документов.

После завершения операций в Западной Европе летом 1940 г. верховное командование вермахта приступило к непосредственной подготовке давно задуманного плана нападения на СССР. Наступление на Москву Гитлер полагал возможным только после захвата Прибалтики и Украины, в результате чего Советский Союз оказался бы изолированным от Балтийского и Чёрного морей. Он также подчёркивал, что все проблемы, связанные с войной на Европейском континенте, должны быть решены в 1941 г., так как в 1942 г. США будут в состоянии вступить в войну (6). Речь шла об уничтожении Советского государства, оккупации его территории и порабощении народов СССР.

Руководство Германии заблаговременно приступило к созданию мощной группировки войск для агрессии против Советского Союза. Уже в июне 1940 г. по указанию главнокомандующего ОКХ командованию 18-й армии передавалась немецкие соединения, раз-

мещённые на захваченной территории Польши на границе с Советским Союзом и Литвой, «при этом дислокация соединений не должна вызывать у русских подозрения, что против них готовится наступление» (7).

На подготовку военных действий против СССР были нацелены указания генерального штаба ОКХ от 7 октября 1940 г. по боевой и идеологической подготовке на зимний период 1940/41 гг. (8). После принятия Гитлером решения приступить к подготовке войны против СССР наращивалось производство вооружений и боеприпасов в Германии, был принято решение увеличить число дивизий до 180 в действующей армии и до 250 — в составе всех вооружённых сил (9).

Начавшаяся работа по формированию дивизий, а также частей ВВС и резерва главного командования сухопутных войск потребовала новых контингентов личного состава. С 1 сентября 1940 г. командование вермахта приступило к призыву на военную службу резервистов 1-й очереди 1914–1918 гг. рождения, ранее имевших бронь, а также военнообязанных 1919–1920 гг. рождения. В результате общая численность вооружённых сил Германии, к июню 1941 г., увеличившись на 27% по сравнению с июнем 1940 г., достигла 7,3 млн. человек. Это позволило развернуть в составе действующей армии 208 дивизий и 6 бригад (10).

Заблаговременная и всесторонняя подготовка позволила Германии обеспечить быстрое и сравнительно скрытное сосредоточение и развертывание своих вооружённых сил у западной границы СССР, а также своевременное создание необходимых запасов материально-технических средств и продовольствия.

Агрессивные цели Германии против Советского Союза были сформулированы в получившей после войны широкую известность директиве Гитлера № 21 от 18 декабря 1940 г. (план «Барбаросса»), разработанной генеральным штабом ОКВ (11). По плану «Барбаросса» штабом верховного командования вооружённых сил Германии (ОКВ) разрабатывались различные оперативные документы, например, директива ОКХ № 050/41 от 31 января 1941 г. по стратегическому сосредоточению и развертыванию войск (12) и др.

Агрессивный характер войны Германии против СССР определял исключительную жестокость по отношению к советскому народу. Чудовищные замыслы по уничтожению значительной части мирного населения СССР нашли своё воплощение в конкретных приказах, распоряжениях и указаниях, которые разрабатывались командными и штабными инстанциями вермахта перед нападением на СССР, а затем уточнялись в ходе «восточного похода». Согласно «Инструкции об особых областях к директиве № 21», подписанной

начальником штаба ОКВ Кейтелем от имени Гитлера 13 марта 1941 г., всю власть на захваченной территории СССР предписывалось передать главнокомандующему сухопутными войсками. Затем в этих районах предусматривалось установить жесткий оккупационный режим, обрекающий местное население на полное бесправие (13).

Основываясь на директивах Гитлера и приказах ОКВ и ОКХ, нижестоящие командиры отдавали конкретные распоряжения подчинённым о методах и способах действий. «Эта борьба, — говорилось в приложении № 2 к приказу командующего 4-й танковой группы генерала Э. Гепнера от 2 мая 1941 г. в связи с предстоящими боевыми действиями на Востоке, — должна преследовать цель превратить в руины сегодняшнюю Россию, и поэтому она должна вестись с неслыханной жестокостью. Каждый бой должен быть организован и проводиться с железной волей, направленной на безжалостное и полное уничтожение противника. Никакой пощады прежде всего представителям сегодняшней русской большевистской системы» (14).

Уничтожение Советского государства планировали осуществить путём присоединения значительной части его территории к германской империи и превращения оставшейся части в колонии Германии или полностью зависимые от неё национальные образования. Планы расчленения СССР разрабатывались с мая 1940 г. в ведомстве Гимmlера, возглавлявшего СС и германскую полицию, а с начала апреля 1941 г. — в бюро по «централизованному решению проблем восточно-европейского пространства», возглавляемого Розенбергом. В этом участвовали и различные отделы штабы ОКВ. Приказ главнокомандующего сухопутными войсками Браухича от 28 апреля 1941 г. требовал наладить тесное взаимодействие между наступающими германскими войсками и карательными органами (гестапо, СД, полицией) в уничтожении советского населения и ограблении оккупированной территории СССР (15).

В соответствии с «Распоряжениями Гитлера о военной подсудности в районе “Барбаросса”», подписанными Кейтелем 13 мая 1941 г., любой немецкий офицер мог отдать приказ о расстреле советских людей без суда и следствия, а командир батальона и выше мог применять «массовые насильственные меры». Заподозренные во «враждебном поведении» по отношению к германским войскам советских граждан предписывалось подавлять на месте с «применением самых крайних мер для уничтожения», категорически воспрещалось «сохранять заподозренных для предания их суду после введения этих судов для местного населения». Фактически распоряжения Гитлера предоставляли офицерам вермахта неограниченные

полномочия для расправы с советскими людьми. Одновременно эти распоряжения избавляли военнослужащих вермахта от возбуждения судебного преследования за преступления по отношению к местному населению за исключением случаев, когда они могли привести к разложению войск, снижению воинской дисциплины или безопасности войск (16).

В духе массового уничтожения граждан СССР были выдержаны и «Указания об обращении с политическими комиссарами», разработанные генштабом сухопутных войск и утвержденные штабом ОКВ 6 июня 1941 г. В них говорится о немедленном уничтожении политработников, попавших в плен. В «Заметках для доклада» (12 мая 1941 г.), составленных заместителем начальника штаба оперативного руководства верховного главнокомандования вооружённых сил Германии генерал-полковником В. Варлимонтом указывается: «С политическими работниками в войсках следует обращаться в соответствии с предложением ОКХ. Они не считаются пленными и должны уничтожаться самое позднее в транзитных лагерях и ни в коем случае не должны отправляться в тыл» (17).

При подготовке нападения на СССР существенное значение для Германии имел военно-политический аспект. Разработкой планов разграбления национальных богатств СССР занималось, в первую очередь, возглавляемое генерал-майором Томасом управление военной экономики и вооружений ОКВ. Это управление представило проект создания специальной военно-экономической организации «Восток» (рабочий орган — экономический штаб «Ольденбург»), которая во взаимодействии с войсками вермахта должна была заниматься всеми вопросами по экономическому использованию оккупированных областей СССР.

Важнейшее место занимали «Директивы по руководству экономикой в новых захваченных восточных районах» (так называемая «Зелёная папка»), введенные в действие приказом начальника штаба ОКВ Кейтеля 16 июня 1941 г. По этому приказу вермахт должен был охранять склады, предоставлять рабочую силу, транспорт для вывоза советских ресурсов в Германию. Тыловым частям вермахта ставилась задача участвовать в практическом выполнении хозяйственного раздела плана «Барбаросса» (18).

После завершения восточной кампании у Германии были далеко идущие планы. Директивой ОКВ № 32 от 11 июня 1941 г. «Подготовка к периоду после осуществления плана “Барбаросса”» предусматривалось уже с осени 1941 г. захват английских колоний, вторжение на Британские острова, развертывание боевых действий против Америки, завоевание Ирана, Ирака, Египта, Индии и некоторых

других стран в Средиземноморье, в Африке, на Ближнем и Среднем Востоке (19).

Все вышеназванные планы были преступными. Они квалифицировались законом № 10 Контрольного совета от 20 декабря 1945 г. как преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности, а виновные подлежали суду.

В качестве заключения приведем цитату из вступительной речи главного обвинителя от Великобритании Х. Шоукросса, произнесённой на заседании Международного военного трибунала в Нюрнберге 4 декабря 1945 г.:

«Итак, 22 июня нацистская армия была брошена на государство, в дружбе к которому Гитлер так недавно клялся, и Германия начала последний акт агрессии в Европе, за которым последовала долгая и тяжёлая борьба, окончившаяся крушением самой Германии.

Таково обвинение против этих подсудимых как правителей Германии по второму разделу обвинительного заключения. Возможно, будет сказано, что многие из документов, на которые мы ссылались, были написаны от имени Гитлера, что приказы были приказами Гитлера и что эти люди были лишь орудием воли Гитлера. Но они были орудием, без которого воля не могла быть осуществлена, и они были более чем орудием. Эти люди были не просто послушным орудием, хотя они были достаточно виновными, если бы их роль этим ограничивалась. Это те люди, чья поддержка поставила Гитлера в то властное положение, которое он занимал. Это те люди, которые своей инициативой и планированием, пожалуй, замыслили и, во всяком случае, делали возможным акты агрессии, осуществлённые от имени Гитлера...» (20).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Нюрнбергский процесс. Сб. материалов. В 8-ми т. Т.1. — М., 1987. С.147–148.
2. См.: *Галкин А.А.* Германский фашизм. Изд. 2-е. — М., 1989. С.141–142.
3. *Liddel Hart B.* Great Strategic Decisions //History of the Second World War, 1969. Vol.8. P.3231–3238.
4. Цит. по: От «Барбароссы» до «Терминала». Взгляд с Запада. Пер. с нем. — М., 1988. С.40–41.
5. The Resistance Movement in Europe during the Second World War: 16th International Congress of Historical Sciences, Stuttgart, August 1985. P.17.
6. РГЦХДК. Ф.1280. Оп.2. Д.26. Л.7–8.
7. Fall Barbarossa: Dokumente zur Vorbereitung der faschistischen Wehrmacht auf Agression gegen die Sowjetunion (1940–1941). Hrsg. E. Moritz. — Berlin, 1970. S.226–227.

8. См.: Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза. Документы и материалы. Под ред. и с предисл. П.А. Жилина. — М., 1987. С.35–38.
9. Там же. С.20–23, 33–35.
10. Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. — Stuttgart, 1988. Bd. 5/1. S.586, 959.
11. «Совершенно секретно! Только для командования!». Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. — М., 1967. С.149–153.
12. См.: Военно-исторический журнал. 1959. № 1. С.86–92.
13. ГА РФ. Ф.7445. Оп.2. Д.141. Л.115–122.
14. Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза. С.62.
15. Там же. С.58–59.
16. ГА РФ. Ф.7445. Оп.2. Д.166. Л.65–70.
17. Там же. Ф.7021. Оп.148. Д.156. Л.4–5.
18. Там же. Д.14. Л.1–11. Ф.7445. Оп.2. Д.145. Л.118–122.
19. «Совершенно секретно!..». С.149–203.
20. Цит. по: Нюрнбергский процесс... Т.1. С.392–393.

Михаил ЛЁШИН

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ВЕРМАХТА
ПРОТИВ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ
КРАСНОЙ АРМИИ
И СОВЕТСКИХ ПАРТИЗАН

Документы и свидетельства, хранящиеся в многочисленных архивах и частных коллекциях по всему миру, уже давно и однозначно изобличают вермахт. Я затрону лишь одну грань проблемы — преступления вермахта на Восточном фронте и оккупированной советской территории, главным образом, против военнослужащих Красной Армии и участников партизанского движения.

Что мы понимаем под военным преступлением? В широком смысле — любое нарушение законов или обычаев войны, в том числе, согласно статье 6 Устава Международного военного трибунала, признанного в качестве документа международного права на заседании Генеральной Ассамблеи ООН 11 декабря 1946 г., «убийства или истязания военнопленных или лиц, находящихся в море; убийства заложников; ограбление общественной или частной собственности; бессмысленное разрушение городов или деревень» и другие преступления (1).

Напомню, что Германия участвовала в Гаагских конференциях 1899 и 1907 гг., на которых были приняты среди прочих конвенции «Об открытии военных действий» и «О законах и обычаях сухопутной войны»; 21 февраля 1934 г. Германия присоединилась к принятым в июле 1929 г. в Женеве конвенциям «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях» и «Об обращении с военнопленными». Согласно этим документам, пленение являлось не наказанием, а всего лишь мерой предосторожности. С пленными полагалось обращаться человеколюбиво, запрещалось убивать их или ранить, использовать на тяжёлых или вредных для здоровья работах, а также на работах, связанных с ведением войны против их страны. Запрещалось наказывать за попытку бегства из плена (2).

И хотя Советский Союз 25 августа 1931 г. присоединился к Женевской конвенции 1929 г. «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях» (3), 1 июля 1941 г. правительство СССР утвердило специальное «Положение о военнопленных», во многом соответствующее Женевской конвенции «Об обращении с военнопленными» (4), а в 1942 г. СССР заявил, что будет соблюдать Гаагские конвенции 1899 и 1907 гг. на основе взаимности (5), Германия в ходе всего периода войны против СССР использовала «оговорку всеобщности» (*clausula si omnes*), согласно которой вышеперечисленные конвенции переставали действовать, если в войну вступало государство, официально не являющееся их участником. Это позволило Германии отбросить принятые всеми цивилизованными народами законы и обычаи войны и вести на Востоке войну на полное уничтожение противника и его государства.

О том, что война на Востоке будет во многом отличаться от войны на Западе, Гитлер предупредил высший командный состав вермахта за несколько месяцев до нападения на Советский Союз на совещании в рейхсканцелярии 30 марта 1941 г., в котором принимало участие около 250 генералов и офицеров, в том числе высшее командование вермахта, командующие и начальники штабов групп армий, командиры корпусов и дивизий. С точки зрения фюрера, предстоящая война должна была представлять собой «борьбу двух мировоззрений» с целью разгрома Красной Армии и ликвидации советского государства, в ходе которой требовалось «отказаться от понятия солдатского товарищества». При этом речь шла не просто о войне, а именно о «войне на уничтожение», в ходе которой «жестокость на Востоке» объявлялась «благом для будущего». «Большевистские комиссары», «коммунистическая интеллигенция», сотрудники ГПУ заранее причислялись к преступникам и подлежали физическому устранению (6). Таким образом, высшее военное руководство нацистской Германии было заблаговременно ознакомлено с целями и методами ведения войны против СССР. Позднее эти указания перешли в директивные документы вермахта всех уровней и подлежали беспрекословному выполнению.

Агрессия Германии против Советского Союза, предпринятая без объявления войны, и массированные бомбардировки мирных советских городов в первые часы боевых действий уже противоречили международным нормам и поэтому их можно квалифицировать как военные преступления.

Буквально через несколько дней после вероломного нападения на СССР, 25 июня 1941 г., Гитлер своим распоряжением передал всю полноту военной и административной власти на вновь оккупирован-

ных восточных территориях командующим вермахта в качестве высших представителей германских вооружённых сил. Эти лица назначались лично фюрером и действовали в соответствии с его директивами, переданными через начальника штаба верховного командования (ОКВ). Их основные обязанности заключались в обеспечении безопасности оккупированной территории с военной точки зрения и её защите от внезапного нападения извне (7).

Как и ожидало военно-политическое руководство нацистской Германии, в первые же дни войны в распоряжение вермахта попало большое количество советских военнопленных, число которых продолжало постоянно расти. Общие правила обращения с этой массой людей были разработаны ещё перед войной. Первые документы по этому вопросу касались, главным образом, судьбы военнопленных политических работников (комиссаров). В рамках обсуждения весной 1941 г. принципов обращения с захваченными в плен советскими политическими и военными руководящими работниками главное командование сухопутных войск (ОКХ) предложило не считать военных политработников пленными и уничтожать их самое позднее в пересыльных лагерях (8). Достоверность этой инициативы ОКХ подтвердил бывший заместитель начальника оперативного отдела ОКВ генерал В. Варлимонт на допросе 12 ноября 1945 г. (9).

В развитие этого предложения главного командования сухопутных войск 6 июня 1941 г. ОКВ подготовило указания войскам об обращении с политическими комиссарами, в которых комиссары не признавались военнослужащими и подлежали уничтожению (10). Согласно дополнению к этим указаниям, подписанному главнокомандующим сухопутными войсками В. фон Браухичем 8 июня того же года, казнь политкомиссаров должна была проводиться в войсках вне зоны боевых действий, незаметно, по приказу офицера (11). Приказ о комиссарах продолжал оставаться в силе до весны 1942 г.

Жестокость к военнопленным проповедовалась не только среди высшего командного состава вермахта. Вспоминает рядовой 6-го пехотного полка 30-й пехотной дивизии Руди Машке: «Мой капитан Финзельберг за два дня до ввода нашей роты в бой прочитал доклад о Красной Армии.... Потом он заявил, что пленных приказано не брать, поскольку они являются лишними ртами и вообще представителями расы, искоренение которой служит делу прогресса. Комиссары... подлежали расстрелу без разговоров. Невыполнение этого приказа стоило бы нам самим жизни» (12). По воспоминаниям Бруно Шнайдера, воевавшего в 1941 г. в составе 4-й роты 106-го пехотного полка 15-й пехотной дивизии, перед их выступлением из района Брест-Литовска командир роты старший лейтенант Принц довёл до

личного состава роты следующий секретный приказ: «Военнопленных из состава Красной Армии брать только в исключительных случаях, то есть когда это неизбежно. Во всех остальных случаях пленных советских солдат расстреливать. Расстрелу подлежат все женщины, проходящие службу в частях Красной Армии» (13).

В первые же месяцы войны оказалось, что оставленных в живых советских военнопленных ждёт не менее тяжёлая участь. В документе канцелярии А. Розенберга № 170 от 14 июля 1941 г. содержится отчёт министерского советника Дорша от 10 июля того же года о лагере для советских военнопленных в Минске «размером с Вильгельмплац», в котором находилось примерно 100 тысяч военнопленных и 40 тысяч гражданских заключённых под охраной «кадровых солдат, по количеству составляющих роту». Автор документа указывает, что «заключённые ютятся на такой ограниченной территории, что едва могут шевелиться и вынуждены отправлять естественные надобности там, где стоят». Военнопленным, «живущим по 6–7 дней без пищи, известно только одно стремление, вызванное зверским голодом, — достать что-либо съедобное» (14).

По мере продвижения вермахта вглубь СССР его командные инстанции продолжали совершенствовать систему обращения с советскими военнопленными. В «Памятке об использовании труда советских военнопленных», подготовленной начальником отдела военнопленных VIII военного округа (Бреслау) 15 августа 1941 г. указывалось, что в ходе использования труда этой категории пленных с самого начала с ними следует обращаться «с беспощадной строгостью, если они дают для этого хотя бы малейший повод». В пределах военного округа документ возлагал ответственность за использование труда советских военнопленных на командующего военным округом и на начальника отдела по делам военнопленных (15).

В Государственном архиве Российской Федерации хранится свидетельство оберфельдфебеля Лео Мелларга из 2-й роты 228-го пехотного полка 101-й пехотной дивизии следующего содержания: «С 21 по 28 августа 1941 г. я находился на эвакуационном пункте Гайсин под Уманью. Там как раз завершился бой на окружение. Ежечасно в пересыльный лагерь военнопленных Гайсин поступало 2000–3000 пленных, которые должны были быть снабжены продовольствием и переправлены дальше. Из-за плохой организации со стороны немецких военных инстанций к вечеру 27 августа 1941 г. скопилось около 8000 пленных. Для них не было продовольствия; несмотря на жару, они были согнаны на участке, на котором нормально могли разместиться лишь 500–800 человек. Ночью я про-

снулся от криков и стрельбы. Я вышел наружу и увидел как стоящие недалеко 2 или 3 зенитные батареи, на вооружении каждой из которых находилось по 4 85-мм орудия, ведут огонь прямой наводкой по находящимся в накопителе пленным, поскольку те, якобы, пытались совершить побег. Ответственность за эту подлость, как мне тогда сказали, несет комендант города Гайсин. Как я узнал позднее от караульных, в результате этого преступления было убито или тяжело ранено около 1 000–1 500 человек» (16).

8 сентября 1941 г. ОКВ подготовило подробную инструкцию об обращении с советскими военнопленными во всех лагерях военнопленных, в которой большевизм объявлялся «смертельным врагом национал-социалистской Германии», а большевистскому солдату было отказано в праве «претендовать на обращение как с честным солдатом, в соответствии с Женевским соглашением». Самым строгим образом немецким солдатам рекомендовалось избегать всякого сочувствия по отношению к пленным, мгновенно применять оружие в ответ на любое неповиновение. По совершающим побег военнопленным было приказано стрелять «немедленно, без предупредительного оклика» и без предупредительных выстрелов (17). 24 марта 1942 г. появилась новая директива ОКВ № 389/42, основные положения которой повторяли предыдущий документ (18).

Об условиях содержания военнопленных в лагерях свидетельствует кроме прочего такой показатель, как нормы питания, которые устанавливались приказами германского военного командования, главным образом ОКХ. Например, нормы питания для советских военнопленных, занятых на различных работах в составе рабочих команд, установленные приказом ОКХ от 8 октября 1941 г., составляли по сравнению с нормами, установленными для военнопленных из других государств, по хлебу 100%, по мясу 50%, по жирам 50%, по сахару 100%. Для находящихся в лагерях и привлекаемых к незначительным работам советских военнопленных нормы питания составляли по хлебу 66%, по жирам 42%, по сахару 66% от норм для прочих военнопленных, мясо из рациона данной категории советских военнопленных исключалось совсем (19). В июле 1942 г. по приказу ОКВ было введено клеймение всех находящихся в лагерях и поступающих вновь советских военнопленных при помощи ланцетов и китайской туши с целью их опознания в случае побега (20).

Целесообразно привести свидетельство достаточно компетентного в рассматриваемом вопросе человека, которого невозможно заподозрить в симпатиях к советским людям. Речь идёт об имперском министре по делам оккупированных территорий А. Розенберге. В своём письме начальнику штаба ОКВ В. Кейтелю от 28 февраля

1942 г., которое, естественно, не предназначалось для посторонних глаз, министр отмечает, что «судьба советских военнопленных в Германии является трагедией огромного масштаба. Из 3,6 миллионов военнопленных в настоящее время только несколько сотен тысяч являются работоспособными. Большая часть их умерла от голода или погибла в результате суровых климатических условий, тысячи также умерли от сыпного тифа... Когда военнопленные не могли на марше идти вследствие истощения и голода, их расстреливали на глазах охваченного ужасом гражданского населения, и тела их оставались брошенными. Во многих лагерях пленным вообще не предоставляли никакого жилища. Они лежали под открытым небом во время дождя и снегопада. Им даже не давали инструментов, чтобы вырыть ямы и пещеры. Систематической санитарной обработки военнопленных и самих лагерей, по всей видимости, вообще не предусматривалось» (21).

Аналогичные признания были сделаны начальником II отдела управления разведки и контрразведки (абвера) ОКВ полковником Э. Лахузеном во время его допроса 30 ноября 1945 г. в качестве свидетеля на заседании Международного военного трибунала в Нюрнберге. «Военнопленные, большинство военнопленных, — заявил свидетель, чьи подчиненные работали непосредственно в лагерях для военнопленных, — оставались в зоне боевых действий, где не было сделано ничего для обеспечения даже тем, что было предусмотрено для обеспечения военнопленных, то есть у них не было жилья, продовольственного снабжения, врачебной помощи и тому подобного, и ввиду такой скученности, недостатка пищи или полного отсутствия её, оставаясь без врачебной помощи, валяясь большей частью на голом полу, большое число военнопленных погибло. Распространялись эпидемии». При этом свидетель подтвердил, что военнопленные находились в ведении ОКВ (22).

А вот как описывает условия содержания советских военнопленных в одном из лагерей обер-сфрейтор Карл Фрай: «В декабре 1941 г. в составе 889 стрелкового батальона я прибыл в Плескау. ... 30 человек из состава 1-й роты, в том числе и я, заступили в караул. ... Условия жизни пленных в лагере были ужасными. При 40-градусном морозе пленные были вынуждены жить в землянках, питаясь одной тарелкой похлебки на воде из гнилого картофеля. Хлеб вообще не выдавался. Вследствие этого пленные превратились в скелеты и ежедневно умирали от голода в количестве 70–80 человек. ... Из 5000 пленных к моменту нашей замены в живых осталось около 500–600 человек. ... Когда я вспоминаю сегодня об этом страшном времени, меня всё ещё охватывает ужас» (23).

В результате жестокого обращения смертность среди советских военнопленных в годы второй мировой войны, по данным немецкого историка Х. Штрайта, изучавшего архивы ОКВ, достигла 57,5% (24). Для сравнения приведем следующие цифры: смертность среди русских военнопленных в Германии в годы Первой мировой войны составила 5,4% (25); смертность среди американцев и англичан, находившихся в плену у немцев в годы Второй мировой войны, составила 3,5% или 8348 человек — примерно столько советских военнопленных умирало ежедневно осенью 1941 г. (26); смертность среди военнопленных вооружённых сил Германии, находившихся в лагерях Народного комиссариата внутренних дел (НКВД)/Министерства внутренних дел (МВД) СССР в годы Второй мировой войны (с 1941 г.) и послевоенный период, по данным Главного управления по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ) МВД СССР, составила на 1 июня 1947 г. 14,5% (27).

Жестокость вермахта в годы войны Германии против СССР проявлялась не только по отношению к советским военнопленным.

Согласно Гаагской конвенции 1907 г. «О законах и обычаях сухопутной войны», партизанская борьба признавалась правомерной, а партизаны считались комбатантами, если они принадлежали к организованному отряду во главе с командиром, имели внешние отличительные знаки, открыто носили оружие и соблюдали законы и обычаи войны (28).

Партизанское движение в СССР развернулось буквально в первые дни после вероломного нападения Германии. Война на уничтожение, проводимая вермахтом, и режим оккупации, установленный на захваченной советской территории, вызвали мощную волну неприятия и народного гнева, которая вылилась в широкое партизанское движение, стихийное на первом этапе.

Начало приданию этому движению организованного характера положила директива правительства и ЦК Коммунистической партии от 29 июня 1941 г., в которой требовалось: «В занятых врагом районах создавать партизанские отряды и диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде...» (29). В соответствии с постановлением Государственного комитета обороны (ГКО) СССР от 30 мая 1942 г. руководство партизанской борьбой возглавил Центральный штаб партизанского движения (ЦШПД) при Ставке Верховного Главнокомандования (ВГК). Всего в годы войны в тылу немецких войск действовало более 6200 партизанских отрядов и подпольных групп, общая численность которых составляла свыше 1 миллиона человек. Они произвели более 20 тысяч крушений железнодорожных эшелонов

противника, взорвали около 12 тысяч автомобильных и железнодорожных мостов, уничтожили более 50 тысяч автомашин (30).

Меньше чем через месяц после начала агрессии против СССР на совещании в ставке верховного главнокомандующего 16 июля 1941 г., на котором присутствовали кроме прочих генерал-фельдмаршал В. Кейтель и рейхсмаршал Г. Геринг, Гитлер обрисовал преимущества, которые давала немецкой стороне развернувшаяся в тылу её войск партизанская война. По мнению фюрера, она предоставляла возможность Германии истреблять всё, что восстает против неё. В ходе развернувшейся дискуссии Кейтель предложил переложить всю ответственность за возможные инциденты на местное население, поскольку «невозможно ставить охрану для каждого сарая, для каждого вокзала» (31).

В соответствии с намеченной линией поведения по отношению к партизанам в дополнение к директиве ОКВ № 33 от 23 июля 1941 г., подписанной Кейтелем, Гитлер указал войскам на необходимость борьбы с сопротивлением в покоренных восточных областях «не путём юридического наказания виновных», а с помощью страха, «который единственно способен отбить у населения всякую охоту к сопротивлению». Ответственными за спокойствие в своих районах были назначены соответствующие командующие с подчинёнными им войсковыми частями, которые должны были находить средства для поддержания порядка «не в употреблении дополнительных охранных частей, а в применении соответствующих драконовских мер» (32).

16 сентября 1941 г. в приказе ОКВ Кейтель выразил озабоченность широким распространением повстанческого движения на оккупированных территориях и отметил недостаточность средств, использовавшихся ранее для его подавления. При этом он подчеркнул, «что человеческая жизнь в странах, которых это касается, абсолютно ничего не стоит и устрашающее воздействие возможно лишь путём применения необычайной жестокости». Ниже он пояснил, о чём идёт речь: «Искуплением за жизнь каждого немецкого солдата... должна служить, как правило, смертная казнь 50–100 коммунистов. Способы этих казней должны ещё увеличивать степень устрашающего воздействия». Командующим войсками в оккупированных областях поручалось довести этот приказ «до сведения всех военных учреждений и инстанций, связанных с подавлением коммунистических мятежей и восстаний...» (33).

Отголоски этого приказа Кейтеля можно найти в многочисленных документах вермахта последующего периода. Например, в при-

казе командующего 6-й армией генерал-фельдмаршала Вальтера фон Рейхенау от 10 октября 1941 г. «О поведении войск на Востоке» говорится: «К борьбе с врагом за линией фронта ещё недостаточно серьёзно относятся. Всё ещё продолжают брать в плен коварных, жестоких партизан и выроdkов-женщин; к одетым в полувоенную или гражданскую форму отдельным стрелкам из засад и бродягам относятся всё ещё как к настоящим солдатам и направляют их в лагерь для военнопленных. ... Подобное поведение войск объясняется только полным легкомыслием. Пора начальствующему составу пробудить в себе понимание борьбы, которая ведётся в настоящее время. ... В случае применения оружия в тылу армии со стороны отдельных партизан, применять в отношении их решительные и жестокие меры. Эти мероприятия распространяются также и на мужское население с целью предотвращения возможных с его стороны покушений» (34).

Этот приказ получил высокую оценку Гитлера и по указанию фон Браухича был отправлен всем частям на восточном фронте в качестве образца для подражания (35). Так, например, в приказе по 101-му мотопехотному полку 18-й танковой дивизии от 12 декабря 1941 г. указывалось: «По всем мужчинам и женщинам, появляющимся на участке дивизии пешком, на санях или на лыжах, открывать огонь без предупреждения» (36).

Как же выполнялись эти приказы в войсках? В донесении начальника тылового района группы армий «Север» от 29 сентября 1941 г. подводятся итоги деятельности подчиненных ему дивизий охраны тыла по состоянию на 30 сентября, то есть за три месяца оккупации советской территории. Так, например, в 281-й дивизии охраны тыла было захвачено в плен 129 партизан; убито, расстреляно или повешено — 174. В 285-й дивизии захвачено в плен 140 партизан; убито, расстреляно или повешено — 410 (37). Командующий вермахта в рейхскомиссариате «Остланд» в приложении к письму рейхскомиссару «Остланд» от 19 ноября 1941 г. приводит статистику противопартизанской борьбы: захвачено в плен 10940 человек, из них 10431, то есть 95% расстреляно. При этом изъяты трофеи, я обращаю Ваше внимание: 13 палаток, 11 ручных пулемётов, 21 автоматическая винтовка, 28 винтовок пехотного образца, 8 автоматов, 19 пистолетов и револьверов, 2 ракетницы (то есть всего 87 единиц огнестрельного и 2 единицы сигнального оружия) и некоторое другое снаряжение (38). Соотношение с количеством уничтоженных людей производит удручающее впечатление.

И всё же, несмотря на все предпринимаемые усилия, добиться успеха в борьбе против партизан вермахту не удавалось. Именно

этим можно объяснить появление директивы Гитлера № 46 «Об усилении борьбы с бесчинствами банд на Востоке» от 18 августа 1942 г., в которой широкий размах повстанческого движения признавался «серьёзной угрозой» для снабжения фронта и экономического использования оккупированной территории. Для борьбы с ним приказывалось объединить усилия вермахта, СС и полиции. Причём начальник генерального штаба сухопутных войск назначался единоличным ответственным за противопартизанскую борьбу в оперативной зоне (39).

В дополнении к директиве № 46 от 18 октября 1942 г. Гитлер указал, что партизанская война привела «к чрезмерно тяжёлым потерям» в боевой мощи и только там, «где борьба против партизан-нелюдей началась и проводилась с безграничной жестокостью, не преминули появиться успехи». На основании этого он делал вывод, что «во всей восточной области борьба против партизан является борьбой за окончательное уничтожение одной из сторон» (40).

На основе этих директивных указаний ОКВ подготовило постановление «О борьбе с бандами на Востоке» от 11 ноября 1942 г., в котором среди прочего рекомендовалось: «Как правило, пленные должны расстреливаться на месте после короткого допроса. ... Каждый командир подразделения отвечает за то, чтобы пленные бандиты и гражданские лица, захваченные при совершении активных действий (включая женщин), были расстреляны или, что ещё лучше, повешены. ... Против деревень, в которых банды нашли поддержку какого-либо рода, предлагается применять, как правило, коллективные меры. Эти меры, в зависимости от тяжести вины, могут заключаться в увеличении норм сдачи, изъятии части или всего поголовья скота, отправке работоспособных мужчин для трудового использования в Германию и даже уничтожении всей деревни. Приказ на проведение коллективных мер могут отдавать только офицеры в звании капитан и выше» (41).

Требуюя от вермахта жестокости по отношению к партизанам, Гитлер и военное руководство страны одновременно освобождали его от любой ответственности за содеянное. В директиве ОКВ от 16 декабря 1942 г. Кейтель сообщал, что фюреру стали известны случаи привлечения к ответственности военнослужащих, участвовавших в борьбе с партизанами. В связи с этим Гитлер дал войскам право и обязал их «применять в этой борьбе (также против женщин и детей) любые средства без ограничений, если только они ведут к успеху». «Милосердие, безразлично какого рода, — заявил верховный главнокомандующий вермахтом, — является преступлением

против германского народа и солдат-фронтовиков... Ни один участвующий в борьбе с бандами немец не может из-за своего образа действий в борьбе против банд и их пособников привлекаться к дисциплинарной или военно-судебной ответственности» (42).

Позволю себе привести ещё один малоизвестный пример. В конце августа 1942 г. советский партизанский отряд численностью около 350 человек совершил нападение на железнодорожную станцию Славное, расположенную на дороге Орша–Борисов. Станция была сожжена, о чём начальник тылового района группы армий «Центр» доложил по команде 28 августа 1942 г. в утреннем донесении. В 15.45 того же дня оперативный отдел генерального штаба сухопутных войск от имени фюрера приказал командованию группы армий «Центр» принять репрессивные меры в связи с нападением, не оставиваясь при этом перед жесточайшими мерами устрашения. 30 августа в 14.50 начальник тыла группы армий предлагает командованию группы армий расстрелять около 100 человек, которые, по его мнению, являются участниками партизанских отрядов или членами их семей, проживающими в районе станции. В 19.45 того же дня командование группы армий запрашивает санкцию оперативного отдела генерального штаба сухопутных войск на расстрел 100 человек, сожжение их домов и оповещение о проведенной акции местного населения. 31 августа в 23.30 оперативный отдел даёт санкцию на указанную операцию, о чём командование группы армий сообщает начальнику тыла 1 сентября в 12.45. Так в течение четырёх дней бюрократической машиной вермахта без суда и следствия была решена судьба 100 возможно ни в чём не повинных людей и их жилищ (43).

Нельзя не сказать и о таком преступлении вермахта, как не оправданное военной необходимостью разрушение городов, других населенных пунктов, объектов культуры, промышленности, транспорта и связи.

Ещё 8 июля 1941 г. Гитлер заявил о своём решении сравнять Москву и Ленинград с землей, чтобы полностью избавиться от населения этих городов (44). 21 сентября того же года отдел обороны страны ОКВ подготовил материалы к докладу о блокаде Ленинграда, в которых рассматривались следующие варианты действий вермахта (45):

1. Захватить город, но не брать на себя продовольственное снабжение населения;
2. Окружить город проволочным забором под напряжением и ждать гибели населения;

3. Вывести из города женщин, детей и пожилых людей, остальных оставить умирать в городе;

4. Передать территорию севернее реки Невы Финляндии.

Со своей стороны, отдел рекомендовал рассматривать Ленинград как военный объект, блокировать его и разрушить с помощью артиллерии и авиации, только после этого вывести оставшихся в живых людей в глубь России или взять в плен, сравнять город с землёй и передать район севернее Невы Финляндии.

Конец дискуссии положила директива ОКВ от 7 октября 1941 г., подписанная по поручению начальника штаба ОКВ начальником штаба оперативного руководства вермахта А. Йодлем, которая запрещала войскам от имени фюрера принимать капитуляцию Ленинграда и Москвы даже в том случае, если бы она была предложена. Немецкие солдаты не должны были вступать в эти города, а местное население, покидающее их, должно было направляться исключительно во внутренние районы СССР. Путем обстрела из артиллерии всех калибров и непрерывной бомбежки с воздуха старую и новую столицу России планировалось стереть с лица земли. Этой же директивой предписывалось подобным образом уничтожать все прочие города Советского Союза перед их захватом (46).

В результате подобной политики, как свидетельствуют материалы Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников, на территории Советского Союза, подвергшейся оккупации, было полностью или частично разрушено и сожжено 1710 городов и поселков городского типа, более 70 тысяч сёл и деревень, свыше 6 миллионов зданий, 31850 промышленных предприятий, 40 тысяч лечебных учреждений, 84 тысячи учебных заведений и научно-исследовательских институтов, 43 тысячи библиотек. В общей сложности крова лишились около 25 миллионов человек (47). Среди наиболее пострадавших городов можно назвать Ленинград, Киев, Минск, Сталинград, Севастополь, Одессу, Смоленск, Новгород и многие другие.

Так, по данным Ленинградской городской комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских оккупантов, в Ленинграде и его пригородах было полностью разрушено 8961 здание хозяйственного назначения общим объёмом 5192427 кубических метров, 20627 жилых зданий общим объёмом 25429780 кубических метров, 295 зданий культурно-бытового назначения общим объёмом 844162 кубических метра (48).

На оккупированной территории Советского Союза безжалостно уничтожались памятники культуры мирового значения. Было разрушено и разграблено 427 музеев из общего числа 992 музея, имевшихся в СССР (49). Погибли усадьба А.С. Пушкина в Михайловском, дом-музей Л.Н. Толстого в Ясной поляне, музей П.И. Чайковского в Клину, А.П. Чехова в Таганроге, дворцы-музеи XVIII–XIX веков в Петродворце, Павловске, Царском Селе. Восстановленные в послевоенный период эти памятники культуры в настоящее время привлекают ежегодно сотни тысяч туристов со всего мира, в том числе и из Германии. За годы оккупации в Советском Союзе было разрушено полностью или частично 1670 церквей, 237 костелов, 4 мечети, 532 синагоги (50).

В древнем русском городе Новгороде — старейшем культурном центре России — были разграблены и уничтожены величайшие памятники архитектуры — соборы XI–XVII веков. Был разобран и подготовлен для отправки в Германию памятник 1000-летия России, воздвигнутый в 1862 г. Из 2346 жилых домов в городе сохранилось только 40 (51).

Ограничимся названными фактами, хотя вопрос о судьбе культурных ценностей, безусловно, требует более подробного рассмотрения.

Конечно, нельзя, и мы не собираемся этого делать, огульно обвинять миллионы немецких военнослужащих в том, что все они являются преступниками, поскольку принимали участие в преступной войне, развязанной руководством Национал-социалистической партии, стоявшей в тот период у власти в Германии. В российских архивах хранятся трофейные документы, дневники и протоколы допросов немецких военнослужащих, другие материалы, которые свидетельствуют о неприятии многими фронтовиками насаждаемых сверху методов борьбы на Востоке, об их разочаровании в людях, стоявших во главе вооружённых сил и государства, ввергших немецкий народ в бессмысленную и кровавую авантюру по завоеванию жизненного пространства. В качестве примера можно привести одну из заключительных фраз заявления генерал-фельдмаршала Ф. Паулюса советскому правительству от 9 января 1946 г.: «Я сам несу тяжелую ответственность за то, что я тогда, под Сталинградом, вполне добросовестно выполнял приказы военных руководителей, действовавших сознательно преступно» (52).

Но так же нельзя закрывать глаза на самое непосредственное участие вермахта в войне на уничтожение на территории Советского Союза и других стран. Не умаляя значения документальных источников возьму на себя смелость утверждать, что многочисленные

фото- и киносвидетельства «боевых» (в переносном смысле) будней немецкой армии являются лучшими тому доказательствыми, способными переубедить даже самых упорных скептиков.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. В 8-ми томах. Т.1. Москва, 1989. С.148.
2. Вторая конференция мира 1907 г. Санкт-Петербург, 1908; Документы и материалы по вопросам борьбы с военными преступниками и поджигателями войны. — М., 1949; Международное право. — М., 1987. С.30–31, 477–507; Международное право в документах. — М., 1982. С.647–655.
3. Государственный архив Российской Федерации (далее: ГАРФ). Ф.9501. Оп.5. Ед. хранен. 7. Л.22.
4. Военно-исторический журнал. 1991. №10. С.50–53.
5. Военная энциклопедия. — М., 1994. С.333.
6. Der zweite Weltkrieg. Dokumente. — Berlin, 1974. S.102–104.
7. Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. В 8-ми томах. Т.4. — М., 1990. С.394.
8. Eine Schuld, die nicht erlischt. Dokumente über deutsche Kriegsverbrechen in der Sowjetunion. — Köln, 1987. S.177.
9. Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза. Документы и материалы. — М., 1987. С.141.
10. Der zweite Weltkrieg. Dokumente. S.107.
11. Fall Barbarossa. Dokumente zur Vorbereitung der faschistischen Wehrmacht auf die Agression gegen die Sowjetunion (1940/41). — Berlin, 1970. S.325.
12. Цит. по: «Stets zu erschießen sind Frauen, die in der Roten Armee dienen»: Geständnisse deutscher Kriegsgefangener über ihren Einsatz an der Ostfront. — Hamburg, 1995. S.9.
13. Цит. по: «Stets zu erschießen sind Frauen...». S.10.
14. ГАРФ. Ф.7021. Оп.148. Д.256. Л.299. Пер. с нем.
15. Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8-ми томах. Т.4. С.207.
16. Цит. по: «Stets zu erschießen sind Frauen...». S.28.
17. ГАРФ. Ф.7021. Оп.148. Д.256. Л.204–209. Пер. с нем.
18. ГАРФ. Ф.7021. Оп.148. Д.256. Л.229–233. Пер. с нем.
19. ГАРФ. Ф.7021. Оп.148. Д.256. Л.196–197. Пер. с нем.
20. ГАРФ. Ф.7445. Оп.2. Д.145. Л.165–166.
21. Eine Schuld, die nicht erlischt. S.202–203.
22. Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8-ми томах. Т.4. С.176.
23. Цит. по: «Stets zu erschießen sind Frauen...». S.42, 44.
24. *Strait Ch.* Die sowjetischen Kriegsgefangenen in der Hand der Wehrmacht //Проблемы военного плена: история и современность. Материалы международной научно-практической конференции 23–25 октября 1997 г. Часть 1. — Вологда, 1997. С.19.
25. *Семиряга М.И.* Военнопленные — изменники родины или жертвы войны? Размышление о судьбе советских военнопленных в годы второй мировой войны //Проблемы военного плена: история и современность. Часть 1. С.4.

26. *Strait Ch.* Die sowjetischen Kriegsgefangenen in der Hand der Wehrmacht // Проблемы военного плена: история и современность. Часть 1. С.19.
27. Центр хранения историко-документальных коллекций (далее: ЦХИДК). Ф.1/п. Оп.01е. Д.39. Л.154.
28. *Арцибасов И.Н., Егоров С.А.* Вооружённый конфликт: право, политика, дипломатия. — М., 1989. С.113–114.
29. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1971). Издание 8-е. Т.6. — М., 1971. С.1.
30. Советская военная энциклопедия. Т.6. — М., 1978. С.231–232.
31. Fall Barbarossa. S.332, 334.
32. Hubatsch W. Hitlers Weisungen für die Kriegsführung 1939–1945. Dokumente des Oberkommandos der Wehrmacht. — Koblenz, 1983. S.144.
33. ГАРФ. Ф.7445. Оп.2. Д.140. Л.502–504.
34. Deutsche Besatzungspolitik in der UdSSR 1941–1944. Dokumente. — Köln, 1980. S.110–112.
35. *Штрайт К.* Они нам не товарищи. Вермахт и советские военнопленные в 1941–1945 годах. — М., 1991. С.219; Deutsche Besatzungspolitik in der UdSSR 1941–1944. S.112–113.
36. Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8-ми томах. Т.5. — М., 1991. С.312.
37. Deutsche Besatzungspolitik in der UdSSR 1941–1944. S.114.
38. «Gott mit uns»: Der deutsche Vernichtungskrieg im Osten, 1939–1945. — Frankfurt am Main, 1989. S.55.
39. *Hubatsch W.* Hitlers Weisungen für die Kriegsführung 1939–1945. S.201–205.
40. Ibid. S.207–208.
41. Deutsche Besatzungspolitik in der UdSSR 1941–1944. S.137.
42. *Müller N.* Wehrmacht und Okkupation 1941–1944. — Berlin, 1971. S.317–318.
43. Институт военной истории МО РФ. Документы и материалы. Ф.191. Оп.233. Д.99. Л.198–200. Пер. с нем.
44. *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т.3. Кн.1. — М., 1971. С.101.
45. Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны. Выпуск 18. — М., 1960. С.244–245.
46. Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8-ми томах. Т.4. С.511.
47. Преступные цели — преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944 гг.). — М., 1968. С.364.
48. Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8-ми томах. Т.4. С.498.
49. Там же. С.448.
50. Там же. С.450.
51. Преступные цели — преступные средства. С.359–363.
52. Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза. С.142.

Геннадий БОРДЮГОВ

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ВЕРМАХТА ПРОТИВ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

«Преодоление прошлого» — одно из условий поиска новых нравственных ориентиров. Понятно, что прощение со многими историческими мифами, в ряду которых миф о «чистом вермахте», носит драматический характер. Поэтому столь высока ответственность историков в нахождении и предъявлении убедительных документов и свидетельств о совершенных злодеяниях. Не скрою, что из множества выявленных российских архивных источников по рассматриваемой проблеме, я должен был отбросить все то, что не подтверждало принадлежность к тем или иным действиям представителей вермахта.

Надо учесть, что авторы документов и свидетели преступлений, как правило, не разделяли немцев по их принадлежности к тем или иным формированиям, армии или специальным подразделениям. Да и сегодня для многих соотечественников не имеет значения, были ли агрессорами, преступниками, палачами, военнослужащие вермахта или СС, полиции или других военных и гражданских формирований. Обычно разделение шло по линии немцы вообще или полицаи из своих. И тем не менее я не рассматриваю преступления, которые в документах, в исторической литературе связываются с СС и СД, айнзацгруппами и зондеркомандами, с охранниками концлагерей, с именами Гимmlера и Эйхмана. Не рассматриваю преступления, совершенные переводчиками, лекарями военных лазаретов. Словом, сразу же признаки отодвинуты в сторону те факты, которые не имели точных признаков идентификации с вермахтом.

Судя по изученным мною доступным документам из Государственного Архива Российской Федерации (ГА РФ), Центрального Архива Министерства обороны РФ (ЦА МО), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) су-

ществовало несколько каналов отслеживания и фиксации преступлений против мирных жителей: донесения политуправлений армий и фронтов в Главное Политическое управление Красной Армии, которое, в свою очередь, переправляло их в Совинформбюро и ЦК ВКП (б), спецсообщения 1-го (разведывательного) Управления НКВД СССР, направляемые высшему руководству страны и в отделы ЦК ВКП (б), акты о преступлениях, подписываемые официальными лицами, в том числе представителями НКВД, офицерами РККА и местной власти, информация из партизанских отрядов, материалы допросов немецких военнопленных, документы и письма, обнаруженные у убитых солдат и офицеров вермахта. На них и основывается мой доклад.

КАКИМИ ДОКУМЕНТАМИ РЕГЛАМЕНТИРОВАЛОСЬ ОТНОШЕНИЕ ВЕРМАХТА К МИРНОМУ НАСЕЛЕНИЮ?

На Нюрнбергском процессе полковник Тэйлор (Великобритания) впервые официально представил документ (С-50) — приказ генерал-фельдмаршала, начальника верховного командования вермахта Кейтеля от 13 мая 1941 г. о военной подсудности, ограничивавшего уголовное преследование немецких солдат за безжалостные действия при проведении кампании «Барбаросса». В этом отношении весьма красноречивы следующие пункты приказа: «II. 1. За действия, совершенные служащими вермахта и его сторонниками против вражеских лиц, не существует необходимости преследования даже тогда, когда их действия являются одновременно военным преступлением... 2. ...Судья предписывает наказание за действия против местного населения в военно-судебном порядке только тогда, когда этого требует сохранение дисциплины и безопасности действующей армии» (1).

К документу прикладывались и другие (С-51, ВБ-162) — приказ Кейтеля от 27 июня 1941 г. относительно работы с секретными материалами, требовавшего уничтожения управлениями всех инстанций до штаба корпуса включительно всех копий приказа фюрера от 13 мая. Однако сам приказ оставался в силе, независимо от уничтожения его копий.

Приведу ещё один документ — «Дополнение к директиве 33», подписанный Кейтелем 23 июля 1941 г., т. е. через месяц после на-

чала войны. В нем говорилось о том, что после доклада верховного командования сухопутных сил фюрер 22 июля сделал ряд дополнений к директиве 33, в том числе следующее: «...6) Частям, назначенным для охраны оккупированных восточных районов, ввиду их обширности следует подавлять сопротивление гражданского населения не методом юридического наказания преступников, а путём запугивания с тем, чтобы отбить у него всякую охоту продолжать борьбу... Для поддержания порядка командующие не должны требовать подкреплений, а применять самые драконовские меры» (2).

Если исходить из показаний председателя военного трибунала 267-й немецкой пехотной дивизии капитана Юлиуса Райха, предъявленных на Нюрнбергском процессе, то все эти приказы 1941 г. и прежде всего приказ от 13 мая 1941 г., были хорошо усвоены в вермахте. За действия, чинимые над советскими гражданами, солдат не разрешалось предавать суду военного трибунала. Солдата мог наказать только командир его части, если он сочтет это необходимым. По тому же приказу Гитлера, офицер немецкой части имел более широкие права и мог истреблять русское население по своему усмотрению. Командиру предоставлялось полное право применять к мирному населению карательные меры борьбы, как-то: полностью сжигать деревни и города, отбирать у населения продовольствие и скот, по своему усмотрению угонять советских граждан на работы в Германию. Этот приказ Гитлера был доведен до сведения рядового состава вермахта за день до нападения на Советский Союз (3).

Подтверждает данный факт и материалы допроса на Нюрнбергском процессе 7 января 1946 г. обергруппенфюрера Е. Бах-Зелевского. На вопрос, существовали ли какие-нибудь принципы о линии поведения по отношению к мирному населению и партизанам, он ответил, что нет, что отсутствие прямых указаний открывало широкое поле для произвола со стороны любого командира части, который имел право отнести к категории партизан любого человека и поступать с ним как с партизаном. На другой принципиальный вопрос о том, знали ли командование вермахта о методах борьбы с партизанским движением, направленных на истребление еврейского и славянского населения, свидетель ответил коротко: «Знало» (4). Более того, как показал на допросе обер-ефрейтор 2-го авиапехотного полка 4-й авиапехотной дивизии Ле-Курте: «Германское командование всячески поощряло расстрелы и убийства советских граждан. За хорошую работу и службу в немецкой армии, выразившуюся в том, что расстреливал военнопленных и советских граждан, мне досрочно, 1 ноября 1941 года, присвоили звание обер-ефрейтора,

которое мне должны были присвоить в ноябре 1941 года, наградили «Восточной медалью» (5).

Однако приказами 1941 года дело не ограничилось. Уже в декабре 1941 г. стало очевидно, что «Блицкриг» провалился, наступательные операции на Москву прерваны. Для некоторых военных историков, таких как Бартов, именно с этого момента характер военных действий изменился и воинские части вермахта стали «идеологически мотивированным инструментом преступного режима, а война приняла варварский характер» (6). С фиксацией перехода к новому качеству войны нельзя не согласиться. Но это не значит, конечно, что до этого момента война и действия вермахта были неварварскими.

В 1942 г. гитлеровское руководство сочло необходимым в форме резкой директивы, не допускавшей исключения, вновь подтвердить, что совершенно безнаказанными должны оставаться любые преступления военнослужащих, совершенные в отношении мирных жителей. Имеется в виду директива, подписанная Кейтелем 16 декабря 1942 г. «Борьба с бандами», в которой говорилось следующее: «Фюрер располагает данными, что отдельные военнослужащие германской армии, участвовавшие в борьбе против банд, за своё поведение в бою были привлечены в последующем к ответственности». В связи с этим фюрер приказал: «... Если борьба против банд... на Востоке... не будет вестись самыми жестокими средствами, то в ближайшее время имеющиеся в распоряжении силы окажутся недостаточными, чтобы искоренить эту чуму. Войска поэтому имеют право и обязаны применять в этой борьбе любые средства, без ограничения, также против женщин и детей, если это только способствует успеху» (7).

КАКИЕ ВИДЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ВЕРМАХТА ПРОТИВ МИРНОГО НАСЕЛЕНИЯ ФИКСИРУЮТ ДОКУМЕНТЫ?

На Нюрнбергском процессе среди множества обвинений рассматривалась нота Народного комиссариата иностранных дел СССР от 6 января 1942 г., документально подтверждавшая *использование гражданского населения в ходе военных действий*. Соединения и части вермахта прикрывали боевые порядки своих войск как при наступлении, так и при отступлении мирными жителями, преимущественно женщинами, стариками и детьми. В частности, 28 августа 1941 г. при

переправе через реку Ипуть немецкие солдаты, будучи бессильны преодолеть стойкое сопротивление частей Красной Армии, собрали местное население белорусского города Добруш Гомельской области и под страхом расстрела погнали вперёд себя женщин, детей и стариков, за которыми, открывая свои боевые порядки, пошли в наступление (8).

В Тульской области 8 декабря того же года гитлеровцы прикрывали своё отступление из деревни Ямное гражданами из местного населения. 12 декабря в том же районе они собрали 120 человек стариков и детей и пустили их впереди своих войск во время боев с наступающими частями Красной Армии (9). Такие же случаи были зафиксированы под Ростовом, в Ленинградской, Смоленской, Калининской областях. Случаи использования мирных жителей перед наступающими частями неоднократно наблюдались и в Сталинграде в октябре 1942 г. (10). В нарушение всех международных конвенций мирное население использовалось и на особо опасных работах — по разминированию участков.

По мере роста людских потерь германской армии, и особенно после её тяжёлых поражений зимой 1942–1943 гг., широкие размеры приобрела *насильственная мобилизация мирного населения* оккупированных областей для формируемых антисоветских частей. В прифронтовой полосе фронта немцы мобилизовали поголовно всех мужчин, включая подростков и стариков, по тем или иным причинам не увезенных на работу в Германию. После же провозглашения в Германии «тотальной мобилизации» оккупационные власти начали всеобщее привлечение населения к военной службе или к трудовой повинности не только в прифронтовых, но и во всех остальных оккупированных областях. К скрывающимся от мобилизации применялись всеческие репрессии вплоть до расстрела. Однако, несмотря на это, многие уходили в леса и вступали в партизанские отряды (11).

Другой момент, связанный с военными действиями, и о котором также надо говорить, — это то, что в районах активных партизанских действий мирное сельское население в силу безжалостных законов войны нередко оказывалось в самом центре развернувшихся боев и становилось невольной жертвой огня с обеих сторон. Озлобленные безуспешным исходом очередной карательной операции против партизан, гитлеровцы всю ярость безудержного гнева обрушивали на мирных жителей. Поводом для репрессий в то же время служили малозначительные боевые акции и диверсии партизан вблизи населенных пунктов. Так в ноябре 1941 г. в деревне Успенка Черниговской области партизанскими разведчиками был ранен немецкий солдат. Наутро гитлеровцы расстреляли несколько жителей

и забрали 75 жителей в качестве заложников. В деревне Кутейково партизаны перерезали в двух местах телефонные провода, что можно было бы сделать и на значительном удалении от населенного пункта. На следующий день немцы сожгли несколько домов, а проживавших в них колхозников расстреляли. В селе Троицкое была сожжена порожняя автомашина, а находившийся рядом склад с боеприпасами оказался нетронутым. И опять последовала расправа над мирным населением. Малоэффективная тактика «мелких укулов» партизан вблизи населенных пунктов оплачивалась большой кровью стариков, женщин и детей (12).

В число злодеяний вермахта на советской территории вошли расстрелы мирных жителей и уничтожение их жилищ. Отступая в январе 1942 г. из села Мясоедово Белгородского района, немецкие части сожгли все село до единого дома, а население насильно угнали с собой. В доносении для Совинформбюро сообщалось: «24 января 8 женщин этого села, 60-летняя А. Русанова, 17-летняя Е. Кондратьева, 18-летняя З. Лупандина, М. Специвцева — мать троих детей, М. Мурзаева — мать двоих детей, А. Кондратьева и 15-летний подросток Н. Лупандин решили пройти в родное село. По дороге женщины были встречены немецкой разведкой в количестве 20 человек. Фашистские мерзавцы схватили беззащитных женщин, сняли со всех валенки и сапоги, отвели их на другой конец села к погребу, поставили всех на колени и поочередно расстреляли всех» (13).

В июне того же года при наступлении немецких частей население Большой Берёзки Брянской области спряталось в лесу. Им было приказано вернуться в село и дальше случилось следующее: «150 стариков, женщин и детей возвратились домой. После этого согнали их в колхозные амбары, перекололи всех штыками и перебили прикладами. 11 детей в возрасте 12–13 лет закопали живыми в землю». В той же области 23 июля в 7 часов утра немецкие войска вместе с полицейскими в количестве 1500 человек напали на село, где находились партизаны. Бой длился до 21 часа. Партизаны отошли в лес, после чего немцы разрушили село — из 542 сожгли 529 домов, 3 школы, 3 бани, больницу и детский сад (14).

На Нюрнбергском процессе была предъявлена выписка из протокола судебного заседания военного трибунала 374-й стрелковой Любанской дивизии от 29 ноября 1944 г. Речь шла об уже упоминавшемся обвиняемом Ле-Курте, преданном военно-полевому суду. Это был не эсэсовец, а ординарный беспартийный обер-ефрейтор вермахта, 27 лет. Он родился и проживал до войны в г. Штрафгарте, являлся владельцем кинотеатра, а затем был призван в армию. Военную службу проходил в 1-й роте 4-й авиапехотной дивизии. По су-

шеству дела Ле-Курте показал: «До пленения меня войсками Красой Армии, то есть до 4 февраля 1944 г., я служил в 1-й самокатной роте 2-го авиапехотной дивизии при комендатуре аэродромного обеспечения. Кроме фотоснимков, я выполнял и другие работы в свободное от работы время, ради своего интереса, расстрелом военнопленных бойцов Красной Армии и мирных граждан... В ноябре 1942 года я принимал участие в расстреле 92 граждан. С апреля я принимал участие в расстреле 55 человек советских граждан, я их расстрелял... Кроме этого, я ещё участвовал в карательных экспедициях, где занимался поджогом домов. Всего мной было сожжено более 30 домов в разных деревнях. Я в составе карательной экспедиции приходил в деревню, заходил в дома и предупреждал население, чтобы из домов никто не выходил, дома будем жечь. Я поджигал дома, а если кто пытался спастись из домов, никто не выпускался из дома, я их загонял обратно в дом или расстреливал. Таким образом, мною было сожжено более 30 домов и 70 человек мирного населения, в основном старики, женщины, дети...» (15).

Подобные свидетельства мы находим в показаниях пленного обер-ефрейтора 2-й роты 9-й танковой дивизии Арно Швагера: «При отступлении из Курска... мы получили приказ все оставляемые нами пункты сжигать. Если городское население отказывалось оставлять свои дома, то таких жителей запирали и сжигали вместе с домами...» (16).

Одним из самых распространенных преступлений вермахта являлся повсеместный *грабёж мирного населения*. Не случайно сложилось понятие по отношению к солдатам действующей армии — «грабь-солдаты немецкой армии». Документы полны свидетельств самых разных проявлений грабежа. Генрих Краузе, солдат 9-й роты 377 пехотного полка 225 пехотной дивизии рассказывал: «Я жил в Сенной Керести, дом 120. Неделю тому назад по деревне проходил сбор тёплых вещей насильственным путем. Каждый дом должен был сдать пару валенок. В доме 120 семья состояла из 10 человек, валенки они уже сдали и хозяйка получила квитанцию. Однажды в дом пришли два унтер-офицера и потребовали ещё одну пару валенок. Так как валенок они больше не имели, хозяйка заявила об этом и показала квитанцию, но они не обратили внимания на это и начали избивать её. Я был очень возмущен этим, но заступиться не имел права, так как на следующий день был бы расстрелян за помощь населению» (17).

Уже цитируемый обер-ефрейтор Арно Швагер при допросе показал, что в сентябре 1942 г. их дивизия остановилась на отдых в Никольском под Курском. Из расположения дивизии посылались

отряды по реквизиции в окружающие деревни, чтобы забирать у населения коров, телят, овец, кур, мед: «Население плакало и умоляло, а женщины и дети бросались солдатам в ноги. Солдаты били их прикладами, топали ногами. Я сам видел в деревне Волчанка, как солдат избивал женщину так долго, пока она не потеряла сознание. Тогда он, больше не обращая на неё внимания, увёл последнюю корову, хотя здесь оставалось шестеро детей, которые были обречены на голод» (18).

Тот же Швагер в своих показаниях не скрывал факты другого страшного преступления — *изнасилования*. В частности, он воспроизвел рассказ ефрейтора Штейгера из той же танковой дивизии о том, как в феврале 1942 г. в одной деревне 30 км. Западнее Землянска Курской области он изнасиловал и затем задушил 13-ти летнюю девочку (19). Сам же Швагер был свидетелем другой страшной сцены в Курске: «... Я стоял на посту с 6 до 8.00. Напротив места моего дежурства жил высокопоставленный военный чиновник Бенер. В 6.15 из его квартиры вдруг послышались крики и ругань. Когда я вошёл с ружьём в его помещение, я увидел, как офицер хлестал верховой плетью девочку лет 13–14, которая полураздетая была привязана к столу» (20).

В Нарве и Кингисепе и многих других городах немцы организовали публичные дома для офицеров вермахта. В эти дома были принудительно взяты из деревень девушки и женщины. В случае отказа кого-либо из них остаться в публичном доме следовал расстрел (21).

Вермахт участвовал и в развертывании настоящей *охоты за людьми — невольниками для германской промышленности*. Устраивались облавы на вокзалах, площадях и рынках. Потсдамский историк Р.-Д. Мюллер опубликовал об этом ряд убедительных данных. Так в приказе по 29 армейскому корпусу от 24 января 1943 г. говорилось: «Провести учёт всех мужчин и женщин от 16 до 60 лет, сформировать рабочие команды... Вешать уклонившихся или саботажников» (22).

По данным Мюллера, в 1943 г. для рабского труда в Германию было вывезено около миллиона граждан СССР. Из 5 млн. русских, украинских и белорусских рабов осталась в живых в Германии к осени 1944 г. 726 тыс.» (23).

Приведенные данные свидетельствуют, что режим ограбления и кровавого террора по отношению к мирному населению захваченных сел и городов представляет собой не какие-то эксцессы отдельных недисциплинированных военных частей, отдельных германских офицеров и солдат, а определённую систему, заранее предусматри-

вающуюся и поощряемую германским правительством. Эта система не могла не развязывать в вермахте, среди офицеров и солдат самые низменные, зверские инстинкты.

НАБЛЮДАЛИСЬ ЛИ ПОПЫТКИ СО СТОРОНЫ ВЕРМАХТА КОНТРОЛИРОВАТЬ СИТУАЦИЮ И ПРЕСЕКАТЬ ПРЕСТУПЛЕНИЯ?

Как это ни странно, но сразу после войны в СССР на естественное, с точки зрения победителей, стремление понять побеждённого врага — уже не как «людоеда-фашиста», «изверга», «гадину», «тупого гунна», а как человека — был наложен строжайший запрет. Многие историки, в отличие от писателей, до сих пор следуют этому запрету. Попробую нарушить его.

В начале доклада я уже говорил о позиции верхов, перекладывавших решения о мере насилия на офицерский корпус вермахта. И как же повели себя его представители? Общая картина, казалось бы, ясна. И тем не менее я затратил много времени, чтобы отыскать отклонения, отступления, если хотите, случаи парадоксального поведения солдат и офицеров вермахта, которыми так богата обычно военная повседневность и часто непредсказуемый ход военных действий. Мотивы нарушения общей логики, безусловно, трудно понять. Но именно эти нарушения позволяют нам рассуждать, во-первых, о многомерности беспощадной войны, даже если в фактах, которые я собираюсь привести, прочитываются прагматизм и стремление к самосохранению, во-вторых, фиксировать случаи косвенных саморазоблачений в отношении уже совершенных преступлений.

В начальный период войны у убитого на поле боя немецкого офицера в личных вещах было обнаружено особое предписание, исходящее от капитана генерального штаба и датированное 17 июля 1941 г.: «Батальон полка 394 отделение 1 а. В одном подразделении были случаи, когда убивали выбрасывали кур. Подобные случаи я не терплю в моём батальоне и прошу... налагать наказание не менее 5 суток строжайшего ареста. Одновременно я прошу обратить серьезное внимание на то, чтобы в огороды заселенных деревень входить только с разрешения офицера. Данное положение довести до сведения частей в течение 14 дней» (24).

В памятке о трофейном имуществе и изымаемом продовольствии от 10 августа 1941 г. констатировались случаи, когда части и отдельные солдаты брали у сельских жителей необходимые им самим живой и мёртвый инвентарь без оплаты. В памятке требовалось исключить случаи «дикого захвата» (25). То же самое требовал и приказ командующего 16-й армии Буша от 29 июля 1941 г., адресованный командирам корпусов и дивизий. Строго указав на случаи «разбойничьего» поведения солдат в отношении имущества мирного населения, он заключал: *«Нарушение следует карать, не взирая на личность: грабежи, дикие захваты караются судом военного времени»* (26).

А в приложении к приказу подробно регламентировались действия, связанные с собственностью граждан на оккупированной территории:

«Нарушение. 3. Разбойничий захват. ... Является очагом недисциплинированности. Наряду с подрывом внешнего вида части благодаря фальшивым реквизиционным квитанциям и др. тормозится сельское хозяйство, в восстановлении которого мы так сильно заинтересованы, подвергается опасности урожай и питание, колеблется доверие крестьянина.

Выход из положения. Часть может покупать за деньги и убивать скот самостоятельно, если её потребности не обеспечиваются скотобойной ротой (до 1000 марок) за наличный расчёт — не производить расчёта государственными знаками, а применять только рубли или кредитные билеты — свыше 1000 марок — выдавать квитанции о получении на немецком и русском языках.

Способы предотвращения. Длительное наблюдение командования. Запретить “производить запасы” скота. Не терпеть ограбления имущества и бессмысленных поисков за “кладами”. Если имущество награблено сверх непосредственной потребности, докладывать тотчас же в штаб армии» (27).

Отслеживая подобные приказы, Главное Разведывательное Управление Красной Армии было уверено, что запрещая самовольное единоличное мародерство, германское командование, однако, не наказывало своих солдат за нарушение этих запрещений. Поэтому эти приказы не имели никакого практического значения, а нужны были лишь для того, чтобы с помощью этих документов доказать соблюдение германской армией международных правил ведения войны (28).

И тем не менее, нельзя не видеть, что, начиная с весны 1943 г. регламентации расширяются. К примеру, во 2-й танковой армии в апреле были разработаны инструкции для офицеров, которые они

были обязаны довести их до всех военнослужащих, до роты включительно. Понимая, что для успешной борьбы на фронте решающее значение имеет «отношение к русскому народу», так как успокоение в тыловых районах имеет решающее значение и от этого зависят снабжение, безопасность в тылах сражающихся частей, штабом этой армии было признано, что «Ненужная жестокость и всякий произвол неправильны, вредны и недостойны... Мы должны доказать наше превосходство в безупречном отношении к населению», поскольку «при неправильном поведении, ненужных оскорблениях, грубостях, угрозах, грубых разговорах и насилии возникает повод к скрытому сопротивлению, а также к влечению населения в армию банд».

Инструкции требовали соблюдать целеустремленность в поведении, чтобы население рассматривало немцев не как оккупантов, а как освободителей. Было также признано, что «деревни сжигать бессмысленно, так как они являются надежным источником для пропитания нашей армии», что «расстрелы заложников или ни к чему не причастных лиц — не допустимы» (29).

В материалах штаба этой же армии для докладов (май 1944 г.) содержалась и инструкция-памятка об обращении с русским населением. Как открытия, наконец-то, звучали многие проницательные замечания о русском характере, на основе которых строились такие рекомендации:

«Непристойные слова и жесты унижительны не только для девушки, с которой вы пытаетесь познакомиться, но почитается также и её семьей за оскорбление»;

«Не развешивай повсюду в твоей квартире изображений обнажённых женщин»;

«Если тебе приходится иметь дело с русскими, то не хватайся всегда сразу за палку. Если ты чувствуешь сопротивление, ты должен проявить строгость и не быть снисходительным, но ты не должен избивать»;

«Подумай о том, как бы ты чувствовал себя и твои родственники, если бы у твоей семьи и у тебя беспощадно забирали бы последнее»;

«Если русский придёт к тебе, чтобы попросить тебя о чём-нибудь, не кричи сразу “Вон, вон!”. Быть может, ты и не думаешь ничего дурного. Русский же скажет, что ты обращаешься с ним как с собакой... Подобным поведением ты можешь его навсегда сделать врагом нашего дела» (29).

В своём докладе я часто опирался на материалы допросов немецких военнопленных о преступлениях против мирных жителей,

в которых, безусловно, присутствует раскаяние — гарантия вернуться скорее на родину. Трудно судить о степени искренности совершенных признаний в заданной пленом ситуации. Поэтому большая удача для историка найти свидетельства, фиксирующие свободные откровения о случившемся в России. И в этом плане уникально найденное мною письмо, которое по всему своему содержанию способно заменить необходимое заключение ко всему докладу. Это письмо лейтенанта по имени Фридрих из 697 пехотного полка 312 дивизии родителям. Написано оно было, судя по всему, остроумным молодым человеком, видимо, перед боем, в один из последних дней весеннего марта 1942 г. Это «веселое письмо», на самом деле, признание трагедии, смысл которой автор попытался в своеобразной форме донести своим близким:

«Мои дорогие. Могу сообщить радостное известие о том, что я надеюсь скоро получить отпуск... Чтобы мой отпуск протекал гармонично, я уже сейчас прошу вас настроить ваши мысли на следующее:

1. Рекомендуются перед прибытием поезда все ценные предметы закопать в саду.

2. Всех детей младше 5 лет — также из соседних домов, — по возможности отдать в ближайшие сады национал-социалистического ферейна...

9. Вся мебель, вплоть до последнего стола и стула, должна быть в разобранном виде сложена в передней, так как она будет использована в качестве топлива для костра. Не трудитесь понапрасну пробивать дыру для выхода дыма — это гораздо удобнее сделать с помощью ручной гранаты...

10. Об этом пункте прошу сохранять строжайшее молчание: речь идёт о моём питании за счёт населения:

Выясните уже сейчас, где имеются поблизости куры, гуси и свиньи — о цене не беспокойтесь. Я расплачусь за всё с помощью моего пистолета...

11... Хорошенько забаррикадируйте винный погреб. Взламывание стало моей любимой привычкой. От повторения оно не становится менее приятным...

15. С Вами, мамаша, и тетка Фрида мы образуем военно-полевой суд и приговорим к расстрелу хозяина нашего дома, а кроме того, и всех соседей, которые нас рассердят. Лучше всего, пусть пока сами копают себе могилу, чтобы я не тратил попусту свой отпуск на такие незначительные вещи...

17. Дальше идёт щекотливый вопрос, о котором я говорю неохотно: за 2 дня до окончания моего отпуска вам лучше уехать

к деду и бабушке, так как перед отъездом я по привычке подожду дом...» (30).

Итак, не для суда, не при допросе, а для родных он создал беспощадный памфлет на самого себя и, скорее всего, на своих сослуживцев. Правда, Фридрих не смог осуществить свои угрозы. Близкие не получили письмо, поскольку на следующий день после его написания лейтенант погиб в бою, а письмо попало в руки разведки Красной Армии. Но давайте на секунду представим, что письмо дошло... Какой была бы реакция на это «веселый» сигнал с фронта?

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Нюрнбергский процесс. Сб. материалов в 8-ми томах. Т.5. — М., 1991. С.82–83; Т.6. — М., 1996. С.408–409.
2. Дополнение к директиве 33 (№ 442254/41 г., сов. Секретно), переведенное на русский в 4 отделе Разведуправления Генштаба Красной Армии. — ЦА МО РФ. Ф.8. Оп.11627. Д.54а. Л.115.
3. Нюрнбергский процесс... Т.5. С.115–116.
4. Там же. С.270.
5. Там же. С.99.
6. *Бартов О.* Жестокость и менталитет. К поведению немецких солдат на «Восточном фронте». — Петер Ян, Рейнхард Рюруп (ред.). Завоевание и истребление. — Берлин, 1991. С.187.
7. Нюрнбергский процесс... Т.5. С.117.
8. Там же. С.98.
9. Там же.
10. РГАСПИ. Ф.17. Оп.125. Д.91. Л.190.
11. Обзор мероприятий германских властей на временно оккупированной территории, подготовленной ГРУ РККА на основе трофейных документов, иностранной печати и агентурных материалов, поступивших с июня 1941 г. по март 1943 г. — Неизвестная Россия. XX век. Кн.4. — М., 1993. С.265.
12. См. подробнее: ЦА МО РФ. Ф.229. Оп.213. Д.41. Л.233; *Пережогин В.А.* партизаны и население (1941–1945) // Отечественная история. 1997. № 6. С.150–153.
13. Донесение в Совинформбюро от начальника политотдела 21-й армии, бригадного комиссара И. Михальчука. 26 февраля 1942 г. — РГАСПИ. Ф.17. Оп.125. Д. 1. Л.26.
14. Донесение Политуправления Брянского фронта в ГлавПУ РККА от 15 июня 1942 г. — Там же. Л.134, Л.149.
15. Нюрнбергский процесс... Т.5. С.99.
16. Донесение ГлавПУ РККА в ЦК ВКП (б) от 23 сентября 1942 г. — РГАСПИ. Ф.17. Оп.125. Д.91. Л.180.
17. Донесение 7 отдела Политуправления Волховского фронта в ГлавПУ РККА. — РГАСПИ. Ф.17. Оп.125. Д.97. Л.15–16.
18. Там же. Д.91. Л.180–181.
19. Там же. Л.182.

20. Там же. Л.183.
21. Там же. Д.52. Л.99.
22. Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944. — Hamburg, 1995. S.99–101.
23. РГАСПИ. Ф.17. Оп.125. Д.52. Л.2.
24. Там же. Л.19.
25. Там же. Л.128.
26. Там же. Л.129–131.
27. Неизвестная Россия. XX век. Кн.4., С.265.
28. РГАСПИ. Ф. 17. Оп.125. Д.253. Л.113.
29. Там же. Д.251. Л.60–61.
30. Там же. Д.97. Л.103–105.

Александр ЕПИФАНОВ

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПНИКИ ИЗ ЧИСЛА БЫВШИХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ВЕРМАХТА ПЕРЕД СОВЕТСКИМ СУДОМ

В настоящем докладе будет рассмотрена практика советских карательных органов по установлению и расследованию нарушений законов и обычаев войны, допущенных вермахтом на оккупированной территории Советского Союза в период 1941–1944 гг., а также реализации собранных обличительных материалов в суде. Основное внимание при этом будет уделено тем процессам, которые получили наибольшее распространение, а также их характерным особенностям.

В начальный период войны советское руководство возложило всю тяжесть ответственности за чинимые захватчиками на временно оккупированной территории массовые военные преступления исключительно на «преступное гитлеровское правительство и его военное командование». Об этом свидетельствуют, в частности, ноты наркома иностранных дел СССР «О возмутительных зверствах германских властей в отношении советских военнопленных» от 25 декабря 1941 г. (1); «О повсеместных грабежах, разорении населения и чудовищных зверствах германских властей на захваченной ими территории» от 6 января 1942 г. (2) и «О чудовищных злодеяниях, зверствах и насилии немецко-фашистских захватчиков в оккупированных Советских районах и об ответственности германского правительства и командования за эти преступления» от 27 апреля 1942 г. (3). Данные документы, широко распространявшиеся в те дни в советской прессе, следует отнести к первым руководящим актам Советского государства по вопросам борьбы с гитлеровскими военными преступниками.

Рядовые нацистские преступники были, между тем, оставлены без внимания. Никаких мер по их розыску, задержанию и изобличению не предусматривалось. Непосредственно столкнувшись с фак-

тами военных преступлений оккупантов, местное население и военнослужащие Красной Армии стали составлять акты с их описанием, предъявляя таким образом счёт фашистской Германии. Эта форма самозащиты советских людей от массовых преступных действий противника явилась не только первоосновой грядущего судопроизводства над гитлеровскими военными преступниками, но и стала частью всенародной борьбы с фашистскими захватчиками, сыгравшей важнейшую роль в победе над ними. Первые акты о зверствах нацистов носили исключительно эмоциональный характер. Как правило, помимо описания внешней стороны установленного злодеяния, они содержали призыв защитить от оккупантов, обращенный к советским войскам.

Состав участников активирования, так же как и его процедура, указывает на то, что подобный обличительный материал первоначально реализовывался лишь как средство пропагандистской борьбы, формирования общественного мнения в духе культивирования чувств мести и ненависти к гитлеровским оккупантам. Всё это, в свою очередь, преследовало главную цель — превратить Красную Армию и весь советский народ в армию мстителей.

В своём докладе на торжественном заседании Моссовета 6 ноября 1941 г. И. В. Сталин заявил: «... Немецкие захватчики хотят иметь истребительную войну с народами СССР. Что же, если немцы хотят иметь истребительную войну, они её получат. Отныне наша задача, задача народов СССР, задача бойцов, командиров и политработников нашей армии и нашего флота будет состоять в том, чтобы истребить всех немцев до единого, пробравшихся на территорию нашей Родины в качестве её оккупантов» (4). Именно на выполнение этого указания, что следовало из приказа начальника Главного политуправления РККА Л. З. Мехлиса, и была направлена вся проводившаяся политико-воспитательная работа, особенно устная пропаганда, в условиях военного времени.

Таким образом, следует прийти к выводу, что проводившийся в начале войны учёт злодеяний немецко-фашистских захватчиков оставлял «за скобками» такие подробности, как выяснение личностей их непосредственных виновников, имея уклон в сторону фиксации чисто внешних сторон военных преступлений. Полученные материалы первоначально реализовывались лишь пропагандистскими органами для разжигания у народа ненависти к врагу и политической борьбы с Германским правительством и его союзниками. Вмешательство же юридических органов с целью как-либо индивидуализировать лиц, ответственных за непосредственное совершение злодеяний, при этом не предусматривалось. Ведь, как это было ука-

зано, задача покарать их первоначально целиком выпала на долю Красной Армии, с тем, чтобы возмездие исчерпывающим образом настигло нацистских преступников в результате военного разгрома.

По мере формирования концепции уголовной ответственности нацистских преступников в Советском Союзе первоочередной задачей для органов, причастных к ней, стала задача зафиксировать все их деяния. Начало централизованной работе по сбору документальных материалов о зверствах фашистских захватчиков на советской территории положили мероприятия, санкционированные приказом НКВД СССР от 25 февраля 1942 г. «О направлении материалов о зверствах немецко-фашистских захватчиков в Управление государственных архивов (УГА) НКВД СССР».

В прилагаемой инструкции «О порядке собирания, учёта и хранения документальных материалов о зверствах, разрушениях, грабежах и насилии германских властей в оккупированных ими советских районах» документы, фиксирующие указанные преступные действия гитлеровцев объявлялись имеющими большое государственное значение и вне зависимости от их происхождения и ведомственной принадлежности подлежали немедленной передаче в УГА НКВД СССР или его местным органам. Во всех без исключения случаях проявления гитлеровских зверств, грабежей и насилии над советскими гражданами, разрушения государственных ценностей, инструкция предписывала командованию Красной Армии, партийным, советским и общественным организациям, учреждениям и предприятиям составлять об этом акты.

2 ноября 1942 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР была образована Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их пособников, а также причиненного ими ущерба (далее — ЧГК). Таким образом, Советский Союз осуществил практический переход к индивидуальной ответственности гитлеровских военных преступников, которые должны были понести «всю полноту уголовной и материальной ответственности» (5). Как и прежде, основной формой её деятельности было составление актов о гитлеровских злодеяниях и причиненном ущербе с участием представителей общественности.

Инструкции ЧГК категорически предписывали указывать в этих актах всех выявленных виновников военных преступлений, подразделяя их по всем видам соучастия: на организаторов, подстрекателей, исполнителей, их пособников, фиксируя при этом их фамилии, наименования воинских частей и пр. Актам надлежало содержать в себе по возможности точное описание военных преступлений, их

время, место и способы совершения. К актам прилагались все относящиеся к делу документы: заявления потерпевших, протоколы опросов очевидцев, заключения экспертиз, фотоснимки, письма из германской неволи, а также трофейные документы.

С получением от ЧГК составленных ею инструкций местные комиссии по установлению и расследованию военных преступлений оккупантов и учету причиненного ущерба вынуждены были заново приступить к работе, так как с разработкой единых требований к актированию возникла необходимость в унификации огромного количества накопленных обличительных материалов. Естественно, что во время хозяйничанья оккупантов и даже в момент их изгнания мало кому приходило в голову выяснять личности или запоминать приметы гитлеровских военных преступников, да и вопрос об этом, как уже упоминалось, тогда не стоял. Теперь же, когда позиция советского руководства переменялась, по прошествии значительного времени оказалось чрезвычайно трудно выделить из огромной безликой массы военнослужащих вермахта подлинных виновников и исполнителей неслыханных злодеяний.

В условиях жёсткой установки выявлять офицеров и солдат гитлеровской армии, повинных в военных преступлениях, участникам актирования оставалось только оправдываться в отведенных для этого формах актов местах, ибо в момент расследования установить указанных лиц не представлялось возможным. В лучшем случае акты включали данные о роде войск, зверствовавших в той или иной местности (мотопехота, танкисты, минометчики и т. д.). Ряд актов в качестве виновников отмечал целые соединения и части вермахта или их командование. Так, 13 июля 1943 г. комиссия Ерманского района Сталинграда обвинила в издевательствах над мирными гражданами, скрывавшимися в подвале одного из зданий 193-й пехотный полк вермахта. 7 августа 1943 г. колхозная комиссия села Каменка Ворошиловского района Сталинградской области на основе заявлений колхозников и осмотра места убийства установила факт уничтожения в «газовом автомобиле» 164-х евреев, признав ответственными за это командование 243-го танкового и 601-го минометного полков, а также все командование 6-й германской армии (6).

Несмотря на всю очевидность гитлеровских злодеяний, для их уголовного преследования была необходима определённая правовая основа, поскольку национальное уголовное законодательство Советского Союза не нашло им аналогов среди своих норм. Как указывал член ЧГК академик И. П. Трайнин, выражавший официальную точку зрения на этот счёт, данные преступления нелегко было приравнять к тем, что были записаны в национальных кодексах, даже при их

формальном сходстве, поскольку злодеяния нацистов носят «характер организованной системы». В этой связи нарушение законов и обычаев войны гитлеровцами он назвал «военным разбоем политических бандитов», за который они должны понести суровое наказание по тягчайшим уголовным нормам (7).

Таким образом, признавалась необходимость особого порядка их уголовного преследования, поскольку действующее законодательство его насущным требованиям не отвечало. Чтобы оценить справедливость данной позиции, рассмотрим действовавшие на тот момент нормативные акты, имеющие отношение к проблеме. Как известно, уголовный кодекс РСФСР 1926 г. (как и аналогичные ему УК союзных республик), включал к началу войны ряд норм, содержание которых в принципе соответствовало гитлеровским злодеяниям, в частности ст. 193-28 «О разбое и грабеже в отношении населения», ст. 193-29 «О дурном обращении с пленными». Статья 16 УК РСФСР, предусматривавшая институт аналогии вполне допускала распространение данных статей, в качестве субъектов которых рассматривались военнослужащие Красной Армии, на солдат и офицеров войск противника (8). «Положение о военнопленных», утверждённое Советом Народных Комиссаров СССР 1 июля 1941 г., предусматривало распространение подсудности советских военных трибуналов на военнопленных, преступления которых должны были рассматриваться по законам СССР (9). Несмотря на это, рассмотрение данных уголовных дел в отношении гитлеровских военных преступников показывает, что до 1943 г. ни один их в Советском Союзе осуждён не был.

Следует также отметить, что сформировавшаяся к середине войны советская концепция уголовной ответственности нацистских преступников признавала за фашистским государством лишь политическую и материальную ответственность. Ответственность же уголовную за нарушение законов и обычаев войны, по мнению советских учёных-правоведов должны были нести те лица, которые проводили и осуществляли государственную политику, выражавшуюся в действиях, «нарушающих законы человечества и основы международного права».

Признав практически невыполнимым и политически неверным предать уголовному суду немецкий народ «в качестве многомиллионного коллективного соучастника гитлеровских преступлений», они различали несколько групп лиц, которые должны были быть признаны вдохновителями, организаторами, пособниками и исполнителями гитлеровских злодеяний. Что касается военнослужащих вермахта, то они, согласно данной теории составляли две группы.

Во-первых, исполнителями массовых злодеяний, которые к этому времени уже рассматривались как уголовные преступления, признавались рядовые солдаты и офицеры вермахта, независимо от того, действовали ли они по приказу или собственной инициативе.

Нацистское руководство (включая военное командование), которое являлось создателем и проводником всей системы злодеяний, составляло следующую группу военных преступников и рассматривалось с одной стороны, как соучастники своих подчинённых в совершении зверств, одновременно они признавались ответственными за другие, ими лично совершённые и более тяжкие преступления — за создание и проведение политики, представляющей собой «сплошное надругательство над основами международного права и систему организованного государственного бандитизма» и рассматривались как исполнители этих «международных преступлений» (10).

Начало непосредственному уголовному судопроизводству в отношении нацистских преступников на территории Советского Союза положил Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины». Ему нелегко дать правовую оценку как закону об уголовной ответственности. Текст его почти не содержал признаков совершавшихся нацистами злодеяний как преступлений, за которые они и их сообщники должны были нести ответственность в уголовном порядке и что являлось бы основанием для их преследования и наказания. Однако следует отметить, что посвящённая представителям вражеских стран ст. 1 Указа чётко определила состав наказуемых деяний оккупантов в форме «убийств и истязаний гражданского населения и пленных красноармейцев». Впервые был дан перечень субъектов уголовной ответственности за военные преступления. К ним относились немецкие, итальянские, румынские, венгерские и финские «изверги», а также шпионы и изменники родины из числа советских граждан.

Указав на то обстоятельство, что их деяния являются самыми позорными и тяжкими преступлениями, «самыми гнусными злодеяниями», Президиум Верховного Совета СССР признал в то же время применявшиеся к ним до того меры воздействия явно не соответствовавшими содеянному. В этой связи для нацистских преступников и их пособников, уличенных в подобных деяниях, была введена исключительная мера наказания в виде смертной казни через повешение.

Процессуальная часть Указа возлагала рассмотрение дел о фашистских злодеяниях на специально учрежденные для этого военно-полевые суды, а также регламентировала их деятельность. Образовывались они, согласно требованиям Указа от 19 апреля 1943 г., при дивизиях и корпусах действующей армии. Приговоры военно-полевого суда утверждались командиром дивизии и приводились в исполнение немедленно. В Указе специально оговаривалось: приведение в исполнение приговоров военно-полевых судов — повешение осужденных к смертной казни производить публично, а тела повешенных оставлять на виселице в течение нескольких дней — в назидание, с тем, чтобы «все знали, как караются и какое возмездие постигнет всякого, кто совершит насилие и расправу над гражданским населением». Указу от 19 апреля 1943 г. была придана обратная сила, т. е. его действие распространялось и на деяния, совершенные до его издания.

К концу войны важнейшим источником выявления и преследования нацистских преступников становятся лагеря и спецгоспитали НКВД для военнопленных.

24 января 1944 г. УПВИ НКВД СССР была издана и разослана на места директива «О выявлении среди военнопленных участников совершения зверств» (11). Именно она послужила сигналом к развертыванию крупномасштабной оперативной и следственной работы в отношении военнопленных гитлеровской Германии и её союзников. Как отмечалось в директиве, судебные процессы над виновниками зверств и материалы, добытые в результате проведенной в лагерях оперативно-следственной работы, показали, что среди военнопленных немало участников злодеяний над мирными советскими гражданами, а также свидетелей, которые могли указать конкретных военных преступников.

В то же время решения антигитлеровской коалиции об ответственности военных преступников и приговоры военных трибуналов вызвали среди указанных лиц вполне естественную реакцию, выразившуюся в попытках скрыть все известные им факты зверств и виновников в их совершении. Был отмечен ряд случаев, когда некоторые военнопленные при поступлении во фронтовые приёмно-пересылочные лагеря скрывали или пытались скрыть свои воинские звания, характер деятельности в вермахте из-за опасения быть разоблачёнными и привлечёнными к ответственности. В этой связи директивой предписывалось мобилизовать внимание всего оперативного состава лагерей военнопленных на выявление оперативным и следственным путём среди военнопленных (особенно немцев) участников совершения зверств над советскими гражданами в оккупаци-

рованных районах СССР и документировать их преступную деятельность.

В феврале 1944 г. лично начальником УПВИ НКВД СССР И.А. Петровым в 22-м фронтовом приёмно-пересыльном лагере было выявлено свыше 30 случаев сокрытия военнопленными своих фамилий (12). Чекистам было совершенно очевидно, что эти люди причастны к совершению злодеяний на оккупированной советской территории. В этой связи и под воздействием директивных указаний из Москвы работа по выявлению в лагерях и спецгоспиталях военных преступников постоянно форсировалась. Прежде всего, начались поголовные допросы заключённых о маршрутах следования частей и соединений вермахта, к которым они прежде принадлежали, о советских населенных пунктах, в которых им приходилось бывать вместе со своими подразделениями, об установочных данных на своих бывших командиров и сослуживцев. Особенно настойчиво задавались вопросы об известных заключённым фактах злодеяний применительно к названным местам оккупированной советской территории и подразделениям вермахта.

Параллельно в освобожденные от оккупации регионы СССР, в которых приходилось бывать установленным частям и соединениям вермахта, в адрес местных органов НКВД направлялись запросы о наличии материалов, подтверждающих факты злодеяний и грабежей со стороны германских войск. Также подробно выяснялись задачи и характер действий различных подразделений вермахта, применявшихся ими методами, особенно тех, что могли быть связаны с различного рода насилием, расстрелами, грабежами, уничтожением материальных и культурных ценностей. Таким образом, в ходе первоначальных оперативных мероприятий в лагерях военнопленных выявлялись не только отдельные факты нарушений законов и обычаев войны, но главным образом собирались данные, могущие охарактеризовать как преступные целые воинские части и соединения гитлеровской Германии и её союзников, а также их командование.

Особое внимание чекисты обращали на установление персональной роли старшего и высшего командования вермахта в преступлениях войны, характера издаваемых ими приказов и инструкций, а также предполагаемого местонахождения этих лиц. Нередко оперативникам НКВД ставились задачи в отношении конкретных персон из числа генералитета или конкретных подразделений вермахта.

Полученные данные (заявления и протоколы допросов военнопленных) сразу же приводились в состояние, пригодное для уголовного судопроизводства. К ним предъявлялись все требования, соответствовавшие уголовно-процессуальным нормам. Предпочтение при

этом отдавалось собственноручным письменным показаниям заключённых. Наиболее «перспективные» из них немедленно направлялись в Москву, в оперативно-чеккистский отдел (Оперативное управление) УПВИ (ГУПВИ) НКВД (МВД) СССР.

Собранные обличительные материалы позволили советскому руководству и его карательным органам подготовить и провести в 2 этапа целый ряд крупных показательных процессов над военнопленными вермахта, обвиняемыми в военных преступлениях на оккупированной территории СССР. Процессы 1-й волны прошли с декабря 1945 по январь 1946 г. в Ленинграде, Брянске, Николаеве, Киеве, Минске, Риге, Великих Луках и Смоленске. Из числа осуждённых 18 гитлеровских генералов, 28 офицеров и 39 унтер-офицеров 66 были повешены и 19 осуждены к каторге на срок от 12 до 20 лет. Приведение смертных приговоров в исполнение осуществлялось на площадях городов, в присутствии большого скопления народа.

Следующая волна процессов прошла в октябре–декабре 1947 г. в Севастополе, Полтаве, Кишиневе, Новгороде, Сталино, Гомеле, Чернигове, Бобруйске и Витебске. На них суду были преданы 137 военнопленных — 23 генерала, 18 полковников и подполковников, 67 средних офицеров и 29 рядовых и сержантов. Поскольку 26 мая 1947 г. смертная казнь в СССР была отменена, последние были осуждены к лишению свободы в исправительно-трудовых лагерях на сроки 10–25 лет.

В организации и проведении данных процессов, несмотря на подчеркнуто тщательное соблюдение юридических норм, также явственно просматривается коллективный принцип привлечения к ответственности бывших военнослужащих вермахта, обвинявшихся в нарушении законов и обычаев войны. Данный подход осуществлялся вполне официально и рассматривался как правомерный.

Подсудимые, в свою очередь, непосредственно испытывая на себе проявления подобной политики, выдвигали контраргументы. Например, в Севастополе подсудимый генерал вермахта Э. Енеке заявил членам советского военного трибунала и государственному обвинителю:

— Вы умаляете роль и достоинство своей Красной Армии, характеризуя немецкие войска как шайку бандитов и уголовных преступников, с кем же тогда боролась и кого побеждала Красная Армия?

В последующий период, в основном начиная с 1947 г. всё большее распространение стали получать закрытые судебные процессы над военнопленными вермахта, обвиняемыми в нарушении законов и обычаев войны, проводимые как правило военными трибуналами войск МВД.

Тем временем, к 1948 г. УПВИ (ГУПВИ) НКВД (МВД) СССР накопило необходимые сведения и подготовило на их основе ряд приказов с объявлением списка частей и соединений, а также специальных карательных органов гитлеровской Германии и её союзников, причастных к совершению массовых злодеяний на оккупированной территории Советского Союза. По результатам опросов военнопленных, состоявших на оперативном учёте, такие списки постоянно дополнялись новыми частями и соединениями вермахта. Все заключенные, прежде проходившие службу в них, тщательно выявлялись и подлежали «разработке» (13).

6 апреля 1948 г., согласно указанию заместителя министра внутренних дел СССР И. А. Серова, во все лагеря и спецгоспитали военнопленных был направлен список соединений и частей, карательных органов и войск бывшей германской армии и её союзников, «совершавших зверства и злодеяния на подвергнутой временной оккупации территории СССР» (14). Данный список был составлен на основании материалов следствия в отношении гитлеровских военных преступников, а также актов Чрезвычайной государственной комиссии. В нём нашли отражение наименования воинских подразделений вермахта, маршруты их движения, район и период действий. Всего в нём содержалось 9 разделов: 1) «полевые соединения и части бывшей германской армии» — 216 наименований, «отдельные немецкие воинские части» — 128 наименований; 2) «соединения и части румынской армии» — 25 наименований; 3) «соединения и части венгерской армии» — 55 наименований; 4) «войска СС» — 41 наименование; 5) «полицейские части» — 54 наименования; 6) «охранные дивизии, полки и батальоны» — 53 наименования; 7) «военно-полевые комендатуры» — 81 наименование; 8) «сельхозкомендатуры» — 40 наименований; 9) «немецкие лагеря для военнопленных» — 14 наименований.

Оперативным управлением ГУПВИ МВД СССР на места было дано указание о проверке по анкетным данным каждого военнопленного на предмет установления его службы в частях и соединениях, указанных в данном перечне. При этом следовало смелее переходить от негласной разработки к «активным следственным действиям». При допросах участников военных преступлений в первую очередь уточнялись данные о прохождении ими военной службы в вермахте (занимаемая должность, воинская часть — вплоть до дивизии, название или её номер, данные о сослуживцах), а также устанавливались конкретные факты злодеяний, место и время их совершения. В целях недопущения отправки на родину выявленных военных преступников в ходе репатриации военнопленных, лагерные чекисты

незамедлительно брали их на строгий учёт. 22 апреля 1948 г. Оперативным управлением ГУПВИ МВД СССР на места для руководства была направлена ориентировка «О выявленных и разоблаченных среди военнопленных организаторах и участниках зверств и злодеяний» (15).

На первых порах прохождение службы в частях и подразделениях вермахта, причастных к зверствам и злодеяниям, автоматически не подразумевало передачу таких военнопленных под суд советских военных трибуналов только на этом основании. Следует отметить, что, как правило, чекисты кропотливо и настойчиво выявляли конкретные доказательства вины подозреваемых военнопленных, совершая с этой целью необходимые розыскные действия порой на протяжении нескольких лет.

В ходе проводимой работы чекистами было признано (с выдвижением соответствующих предложений в ГУПВИ МВД СССР) необходимым для быстрого и эффективного производства дел на военнопленных, ранее проходивших службу в частях и соединениях вермахта, совершавших военные преступления на оккупированной территории СССР, сконцентрировать их в тех республиках и областях, в которых преступления имели место. В тех случаях, когда военнопленные признавались в совершении ими лично каких-либо злодеяний, а на запросы в территориальные органы МВД, сделанные для подтверждения этого, приходил отрицательный ответ, предлагалось считать целесообразным направлять таких заключённых в органы МВД по месту совершения военных преступлений, либо оформлять материалы для передачи их в Особое совещание МВД СССР для внесудебного рассмотрения.

В период с 1 июня по 10 сентября 1949 г., на основе распоряжения МВД СССР, получившего соответствующие полномочия от Советского правительства, была произведена «фильтрация» военнопленных, с тем, чтобы не допустить выезда из пределов СССР лиц, виновных в совершении военных преступлений. Инструкция о проведении фильтрации, утверждённая заместителем министра внутренних дел СССР И.А. Серовым, предписывала сотрудникам лагерей военнопленных проводить разнообразные оперативные и следственные действия, чтобы добыть основания для отведения от репатриации (16).

В основу фильтрации и оперативно-следственной разработки военнопленных, состоявших на оперативном учёте, были прежде всего положены так называемые «формальные признаки». Объектом её стали военнопленные, в отношении которых никаких данных, кроме принадлежности к СС, СА, СД или членства в НСДАП и дру-

гих нацистских органах и формированиях, не имелось. Указанные мероприятия должны были внести ясность по следующему вопросу:

а) какую роль военнопленный играл в органах, которые были признаны преступными и в связи с принадлежностью к которым он был взят на оперативный учёт;

б) его работа в составе указанных органов, учреждений или организаций на территории СССР или стран «народной демократии» (т. е. Центральной и Восточной Европы) с точным указанием по карте населённых пунктов их дислокации, а также время пребывания в них;

в) фамилии, имена, звания начальников и сослуживцев по организациям или воинским частям, в которых служил военнопленный;

г) конкретный состав преступления, за которое военнопленный должен нести уголовную ответственность перед советским судом или судами стран «народной демократии».

Инструкция о проведении фильтрации предписывала сотрудникам лагерей военнопленных проводить разнообразные оперативные и следственные действия по выявлению военных преступников. В частности, для их изобличения предписывалось в числе прочего выезжать на места, где дислоцировались части вермахта, в которых проходил службу подозреваемый, с тем, чтобы собирать обличающие данные на месте преступления.

Однако, как показала практика 1948–1949 гг., требования инструкции большей частью не соблюдались, более того, она послужила своего рода сигналом для допущения в отношении военнопленных значительных беззаконий. Лишь в одном из ста изученных уголовных дел данной категории упоминается вывоз пленных на места прежней дислокации их подразделений для того, чтобы предъявить их для опознания местным жителям — очевидцам злодеяний. Насколько можно судить по материалам уголовных дел, фильтрация свелась к поголовным допросам контингента лагерей военнопленных и их усиленной оперативной разработке. Оперуполномоченные МВД и их «добровольные помощники» из военнопленных выясняли у заключённых характер их служебных обязанностей в вермахте, порядок снабжения подразделений, взаимоотношения с советскими военнопленными и местным населением на оккупированных территориях и в районах военных действий. Автобиографии и протоколы допросов узников, имевших неосторожность обмолвиться о причастности хотя бы самым косвенным образом как лично, так и своих подразделений к действиям, которые расценивались в качестве злодеяний, приобщались к материалам возбужденных уже после этого уголовных дел и служили зачастую единственными доказательствами их вины.

Если обратиться непосредственно к следственной и судебной практике, то становится очевидным, что прохождение службы в частях гитлеровской армии, хотя и не входящих в перечень преступных организаций установленный в Нюрнберге, но запятнавших себя насилием в отношении мирных советских граждан и советских военнопленных, либо по своему характеру подразумевавших таковое, рассматривалось компетентными органами СССР как повод и основание для привлечения к уголовной ответственности в качестве исполнителя или соучастника злодеяний. Надлежащего доказательства совершения военнопленными действий, непосредственно нарушавших законы и обычаи войны, при этом не происходило. Согласно совместному распоряжению министерств внутренних дел, государственной безопасности и Прокуратуры СССР № 746/364/213сс, в случаях, когда достаточных следственных материалов о конкретной преступной деятельности не было, военнопленных офицеров, служивших на командных и оперативных должностях в органах и войсках СС предавали суду по статье 17 УК РСФСР (соучастие) и Указу от 19 апреля 1943 г. за саму принадлежность к СС. При этом рекомендовалось во всех возможных случаях ссылаться на акты Чрезвычайной государственной комиссии, устанавливающие сам факт совершения злодеяний воинской частью, в которой прежде проходил службу обвиняемый. В таком же порядке предписывалось привлекать к уголовной ответственности военнопленных из числа командного и рядового состава, служивших ранее в концлагерях, лагерях для советских военнопленных и мирных граждан, а также работников карательных органов, суда, прокуратуры, полиции и следственных органов.

Жернова сталинских карательных органов действовали безотказно и лишь продлевали страдания тех, кто пытался сопротивляться их действию. Так, по доносу в соучастии совершению военных преступлений, выразившемся в исполнении обязанностей переводчика, был обвинён военнопленный немец Артур Юлиус Музаль. Последний косвенно подтвердил это, опрометчиво указав в своей автобиографии, что несколько раз переводил беседы офицеров своего штаба и местной комендатуры с русским населением одного из районов Ленинградской области. «Вину» Музалья следствие усугубило тем, что приобщило к делу акт о злодеяниях 217-го пехотного полка, в котором тот служил в Батецком районе Ленинградской области.

Оказавшись на суде Музаль категорически заявил, что в комендатуре он никогда не служил, а его показания на следствии и автобиография переведены неправильно. Редкий случай — военный трибунал направил дело Музалья на исследование, предложив воен-

ному прокурору дополнить материалы дела данными, подтверждающими его службу переводчиком в комендатуре. Прокурор в ответ признал отсутствие обоснованности в обвинении Музалья, но тем не менее потребовал привлечь последнего к ответственности. В конце концов дело было без доследования рассмотрено в суде.

Адвокат, приглашённая по настоянию Музалья, в суде заявила, что предъявленное тому обвинение в службе в немецкой комендатуре переводчиком и в уничтожении им построек на территории СССР, она считает доказанным, хотя никаких убедительных подтверждений этому в деле нет. Последнее обстоятельство «защитник» попросила учесть как смягчающее и вынести Музалью «справедливый приговор». Как было затем указано в приговоре военного трибунала, Музаль в годы войны поддерживал политику гитлеровской Германии, способствовал насаждению захватнического режима на временно оккупированной территории СССР, но, учитывая его непродолжительную службу в комендатуре, суд определил ему меру наказания в виде 10 лет заключения в исправительно-трудовых лагерях.

Но этим дело не кончилось. Военный прокурор войск МВД Сталинградской области потребовал отменить приговор «за мягкостью наказания», особо упирая на те обстоятельства, что часть, в которой служил Музаль, как это было установлено следствием и судом, чинила зверства над мирным советским населением, а сам он, проходя службу в комендатуре переводчиком с начала и до осени 1943 г., поддерживал захватническую политику гитлеровской Германии. Тем самым он способствовал совершению тяжчайших преступлений против советского народа, лишив, таким образом, советский суд всяких оснований для снижения ему наказания. В своём новом заседании военный трибунал вынес Музаль «нормальный» приговор — 25 лет исправительно-трудовых лагерей, — по тем же самым обстоятельствам дела. В своей кассационной жалобе Музаль написал потом:

«К. ... пошёл в МВД и наговорил там, что я был переводчиком, и меня посадили в карцер на 20 или 21 день. Почти каждый день меня допрашивали, мне угрожали голодом, что я буду расстрелян, и со мной жестоко обращались. В карцере было холодно, не топились — это было в конце января, в начале февраля 1949 года. В плену я изучал политику и право и хочу справедливого приговора» (17).

Как показало развитие событий, руководящие предписания инструкции, касающиеся тщательного расследования нарушений законов и обычаев войны, на деле в основном остались только на бумаге. В непродолжительный срок, отведённый на фильтрацию, по чисто объективным причинам в большинстве случаев оказалось невозмож-

ным добыть достоверные сведения, подтверждающие личное участие пленных в совершении нацистских преступлений на оккупированной территории СССР. Почти единственным законным средством достижения этой цели для оперативных работников МВД осталась переписка с органами внутренних дел по месту прежней дислокации частей и соединений вермахта, в которых во время войны проходили службу заключённые.

Как отмечали сотрудники оперативно-чекистских отделов лагерей в своих докладных записках своему руководству о ходе фильтрации, преступления нацистов на территории СССР относились в большинстве своём к 1942–1944 гг., после чего прошло уже 5–7 лет. Листы опознания с фотоснимками военнопленных, высылаемые ими в территориальные органы МВД, по месту совершения нацистских злодеяний, чаще всего возвращались назад безрезультатно, так как за давностью времени никто не смог опознать виновников. Помимо показаний самих военнопленных, в лучшем случае удавалось собрать лишь акты ЧГК или её местных комиссий содействия, подтверждавшие сам факт нацистских преступлений и нанесенный войной материальный ущерб. В связи с тем, что местные органы внутренних дел были не в состоянии добыть никаких конкретных данных о совершении пленными военных преступлений, в таких случаях ставился вопрос о привлечении последних к уголовной ответственности лишь на основании их показаний и материалов комиссий по установлению и расследованию нацистских злодеяний (18).

Таким образом, в рассматриваемый период советские карательные органы в деле борьбы с гитлеровскими военными преступниками пошли по пути наименьшего сопротивления: они руководствовались принципом коллективной ответственности военнослужащих бывшей германской армии, воспользовавшись возможностями актов ЧГК. Следственным и судебным органам СССР, имевшим предубеждение о виновности военнопленных в нарушении законов и обычаев войны, чему способствовали чёткие установки их вышестоящих инстанций о привлечении пленных к уголовной ответственности по «формальным признакам», было вполне достаточно актов ЧГК, содержащих сведения лишь об объекте и объективной стороне составов военных преступлений. Конкретного участия военнопленных в злодеяниях, причинной связи с наступившими последствиями и степени их вины при этом в большинстве случаев не выяснялось.

Как известно, за период действия закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий», т. е. с 18 октября 1991 г. по 1 июня 1997 г. органами военной прокуратуры России

были пересмотрены уголовные дела в отношении 10-ти тысяч иностранцев (в основном бывших военнопленных вермахта). Из их числа 7500 человек было реабилитировано, а 2000 в реабилитации было отказано (в том числе реабилитировано немцев 6500 человек, отказано в реабилитации 1800 немецким гражданам) (19). Таким образом, компетентные органы Российского государства ныне восстанавливают нарушения законности, допущенные при указанных выше обстоятельствах в отношении бывших военнопленных вермахта, необоснованно осужденных по обвинению в военных преступлениях.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Правда. — 1941. 26 декабря.
2. См. Там же. — 1942. 7 января.
3. См.: Там же. 28 апреля.
4. Правда. 7 ноября.
5. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1956. — М., 1956. С.96–97.
6. См.: Зверства немецких захватчиков в районах Сталинградской области, подвигшихся оккупации: документы. — Сталинград, 1945. С.33.
7. См.: *Трайнин И.П.* Ответственность гитлеровской Германии за злодеяния и ущерб, нанесённый агрессией //Вестник АН СССР. 1944. №1–2. С.47.
8. См.: Уголовный кодекс РСФСР. — М., 1950. С.135.
9. См.: Центр хранения историко-документальных коллекций (далее ЦХИДК). Ф.1/п. Оп.37а. Д.1. Л.35–37.
10. *Трайнин А.Н.* Кто должен нести уголовную ответственность за фашистские злодеяния //Война и рабочий класс. 1943. №6. С.13–14.
11. См.: Архив УВД Волгоградской обл. Ф.6. Оп.1. Д.294. Л.47.
12. См.: Там же. Д.352. Л.92–93.
13. Там же. Д.262. Л.264.
14. Там же. Д.343. Л.84–98.
15. Там же. Л.120–128.
16. См.: ЦХИДК. Ф.1/п. Оп.37а. Д.1. Л.222–224.
17. См.: Центральный Архив МВД России. Уголовное дело №В-8611.
18. См.: Архив УВД по Волгоградской обл. Ф.6. Оп.1. Д.355. С.149.
19. См.: *Купец В.И.* Российское законодательство и вопросы реабилитации российских и иностранных граждан //Проблемы военного плена: История и современность. — Вологда, 1997. Ч. 1. С.96.

Кнут ШТАНГ

ВИНА И ПРИЗНАНИЕ ВИНЫ. ПРОДОЛЖАЮЩИЕСЯ ТРУДНОСТИ ПРИ ОСМЫСЛЕНИИ СТАРОЙ ПРОБЛЕМЫ

Дискуссия вокруг преступлений вермахта, как представляется, отчасти обязана своей остроте не столько из ответов, которые даются на нашем заседании, сколько из поставленных ею вопросов. Одним из этих вопросов и, кажется, именно тем, который вызвал самую резкую реакцию, является вопрос о вине, на первый взгляд, представляющийся наивным. Собственно, с течением времени этот вопрос был сочтен устаревшим. Во всяком случае, возложение вины было в Федеративной республике однозначным, общество перешло к очередным делам. Подобная ситуация существовала и в ГДР, хотя после 1989 г. старое возложение вины на национал-социалистское государство в значительной степени утратило силу, и пока не похоже, что в новых пяти федеральных землях существует намерение просто перенять соответствующие западногерманские стереотипы. Но выставка впервые поставила вопрос о «вине» в преступлениях, совершенных немецкой стороной с 1933 по 1945 гг. Это ведёт к замешательству в обеих частях Германии, ведёт и к протесту. Похоже, обращение с виной, и именно с такой виной, все ещё является общественной, а не только частной проблемой.

Историков большей частью пробирает дрожь, если в серьёзные обсуждения вкрадывается понятие «вины». Очевидно, что вина — моральная категория, которая неизбежно должна оставаться чуждой описательным оценкам историков. Таково распространенное мнение. Но вина и обращение с ней — малоизученное явление, которое ввиду своей временной характеристики касается историков даже в том случае, если они воздерживаются от рассмотрения вопроса о вине. Вопрос «Какую роль играло то или иное восприятие вины в ту или иную эпоху?» можно рассматривать и в том случае, если отвергать

вопрос об обоснованности или необоснованности вины. Чтобы выразить идею о плоскости земли, я не должен иметь мнения о её действительном образе, и уж тем более я не должен считать идею правильной.

Ниже, однако, станет ясно, что, хотя и можно оставаться нейтральным по отношению к истории чувства вины в вопросе о вине, эта позиция может существенно повлиять на результаты рассмотрения вопроса. Таким образом, тот, кто занимает в данном вопросе нейтральную позицию, вовсе не обречен на то, чтобы вообще не прийти к какому бы то ни было результату. Но то, что он создаёт, будет отличаться, и, вероятно, существенно, от того, что возникло на заднем плане с ясной позицией в вопросе вины.

Что такое вина в общем? Вероятно, её можно определить следующим образом: вина есть атрибут действующего лица, приписываемый в результате моральной оценки действия как предосудительного. Это определение состоит из ряда элементов, нуждающихся в разъяснении.

1. Вина — это признак действующего, причём действие понимается как деяние с определённым намерением (1).

2. Вина есть результат моральной оценки действий. Тем самым опадают некоторые действия, а именно те, по отношению к которым мораль индифферентна. Только там, где затронуты интересы многих личностей, могут учитываться моральные критерии.

3. Избегая трудной дискуссии на этические темы, следует определить этическую оценку как более или менее осознанное интеллектуальное действие, в результате которого предмет оценки — в данном случае действие — ставится в определённое отношение к моральным установкам, т. е. нормам и оценкам, коль скоро они касаются оцениваемого. В качестве соответствующих следует, вероятно, рассматривать все установки, которые это действие затрагивает потому, что один или несколько элементов, содержащихся в нём, присутствуют и в полном описании действия (2).

4. Мораль не остаётся частным делом, даже если предположить, что частная мораль представляет собой начало нравственного чувства. Мораль — связующее звено внутри социума и моральные нормы общества имеют, с одной стороны, регламентирующую функцию, часто воспринимаемую как нечто неприятное, но с другой — задолго до появления юридических инстанций она обеспечивала безопасность и предсказуемость сообществу, окружавшему человека и служила, к тому же, интегрирующей скрепой этому сообществу. Но если моральная оценка в нашем обществе в конечном счёте переживается всегда межсубъектно, моральные оценки всегда формулиру-

ются так, что их содержание также опосредствуется межсубъектно и признание собственной вины зависит от способности противопоставить себя другому и оценить как свои действия, так и действия другого, т. е. от способности и готовности к саморефлексии.

5. Вина является элементом автобиографии индивида: мы есть то, что мы есть, потому, что мы делали то, что мы делали. Но мы есть то, что мы есть, ещё и потому, что мы, оглядываясь назад, оценивали сделанное нами во многих отношениях, в том числе и в моральном. Заметим, что сам факт оценки не зависит от результатов, к которым при этом приходят. Осмысление вопроса о вине как элементе собственной биографии полезно для постоянного формирования и реконструкции собственной идентичности. Но с точки зрения самооценки редко бывает особенно полезным оказываться в позиции обвиняемого настолько, чтобы вина пригибала к земле.

Возложение вины как результат оценки действия не может быть настоящим и уж тем более обязывающим для всех. Для того, чтобы только два человека согласились друг с другом по поводу возложения вины на кого-либо третьего, необходимо выполнить целый ряд условий.

- Непосредственно фактическая составляющая в происшедшем в качестве объективной основы оценки деятельности должна быть сколько-нибудь ясной.

- Действие должно быть определено как действие, т. е. как поступок, имеющий определённую намеренность.

- Действие должно быть соотнесено с каталогом моральных правил, причём открытым остаётся вопрос о том, происходит ли это рационально или в значительной степени эмоционально.

- В качестве результата этого соотнесения с моральными установками следует констатировать, что действие имело моральное измерение.

- Следует установить подлинного виновника действия.

- Из описания действия и установления виновности следует возложение вины.

- Возложение вины происходит в процессе перехода из частной сферы в общественную. Этот процесс не является, может быть, общим достоянием, но всё-таки становится известным более широкому кругу. Вина должна стать известна обществу, чтобы побудить его с помощью соответствующих санкций и превентивных мер не допустить повторения соответствующих действий.

- Подлинный виновник должен признать вину в качестве собственной. Если вина возлагается на него извне, то только анализ

соответствующего обвинения может привести к признанию вины, но всегда при условии, что обвинение выдержит критическую проверку (3).

1. Процесс возложения вины может закончиться неудачей при любом из этих шагов. Это можно легко пояснить на примере дискуссии о преступлениях национал-социалистского государства. Во многих случаях установление непосредственно фактического оказывается значительно сложнее, чем предполагалось на первый взгляд. Помимо закоренелых лжецов, отрицающих холокост, от агитации которых можно спокойно отмахнуться как от простой пропаганды и мошенничества, в ходе преследования за национал-социалистские преступления сталкиваются с серьёзными трудностями при реконструкции действительной картины событий. Многие судебные процессы закончились крахом только потому, что, возможно, ещё не удалось однозначно ответить на вопрос о том, какие военнослужащие участвовали в определённом военном преступлении, хотя известно, какое подразделение его совершило. Численность случаев, когда военные преступления совершались целыми соединениями, сравнительно мала. В большинстве случаев существовали части, несшие караульную службу, осуществлявшие тыловое обеспечение и т. д., тогда как одновременно другие военнослужащие тех же частей участвовали в самых зверских убийствах (4). Следовательно, возложение вины может оказаться неудачным уже при констатации фактического состояния дел. Нередко оно оказывалось неудачным или обречённым на неудачу уже на ранних стадиях этого процесса. Как юристы, мало заинтересованные в возложении вины, так и общественность, настроенная соответствующим образом, часто делали установление вины невозможным, педантично настаивая на выяснении последних деталей действия.

Кстати, подобная позиция проявилась и в отрицании аргументированной направленности выставки о вермахте. Организаторов выставки упрекали в намерении пробудить впечатление, что все военнослужащие вермахта совершали военные преступления, так как она показывает, что вермахт совершал военные преступления. Против этого и обращаются возмущенные тирады, начинающиеся большей частью со слов «Но мой дедушка вовсе не...» Да ведь об этом речь и не идёт. Если я говорю, что почта доставила мою корреспонденцию из Берлина в Гамбург, то я вовсе не утверждаю, что в этом участвовал каждый почтовый служащий. Я и не говорю, что каждый почтовый служащий хоть когда-нибудь обязательно участвовал в доставке писем. Я говорю лишь, что на почте есть служащие,

которые доставили именно это письмо и вообще занимаются доставкой писем. И я говорю, кроме того, что каждый почтовый служащий, даже в том случае, если он ни разу в своей жизни и в глаза не видел письма, находится тем не менее в организации, к числу важных признаков которой относится доставка писем и что не исключено, что он как почтовый служащий по крайней мере теоретически может когда-нибудь столкнуться с отправкой писем. Эти три высказывания можно перенести на вермахт: вермахт совершал военные преступления, каждый военнослужащий вермахта должен был в ходе войны отдавать себе ясный отчет в том, что он принадлежит к организации, совершавшей военные преступления, и ни один военнослужащий вермахта не был по определению защищен от того, чтобы не оказаться когда-либо вовлеченным в военные преступления.

2. Было представлено мнение, в соответствии с которым преступления не были действиями в подлинном смысле. Сомнению в особенности подвергались намерения преступников, даже тех, кто отдавал преступные приказы. Один из аргументов, выдвинутых в данной связи, заключался в утверждении, что Гитлер, а может быть, также Гиммлер или Гейдрих были безумны, Геринг же невменяем из-за одного лишь своего морфинизма. Вместе с аргументом, обсуждаемым ниже, согласно которому действовали в подлинном смысле только инспираторы убийств, предпринимались попытки отвергнуть характер поступков как действий. Такая позиция была и остаётся куда важнее, нежели попытки крайне правых в Федеративной республике объяснить убийства, если их вообще не отрицают, обороной или во всяком случае мнимой обороной. Но и эта аргументация входит в систему отрицания преступлений, равно как и попытка поставить под вопрос всю направленность преступлений с помощью объяснения, согласно которому убийства являются лишь доведенными до крайности мерами безопасности в областях, находившихся под угрозой партизан, или беспомощными попытками справиться с отчаянным продовольственным положением, сложившимся в занятых областях.

Следует, таким образом, констатировать, что уже здесь возникает второе препятствие, о которое разбивается попытка установить вину именно в связи с холокостом. Она может закончиться неудачей при описании действия, так как мы не сможем удовлетворительно представить его, но это может произойти и при ответе на вопрос о том, кто же, собственно, действовал. Интересно, что сказанное имеет силу и применительно к саморефлексии. Наши биографические воспоминания вовсе не являются, как нам кажется, неподкупными свидетелями нашего развития. Наши воспоминания отмечены лич-

ностными оценками, акцентами в восприятии, а также борьбой за высокую самооценку. Часто мы не в состоянии увидеть в наших действиях то, что образует состав вины, так как воспоминание представляет нам действие, совершенное нами, по-другому, нежели всем сторонним наблюдателям. Мы возражаем на это, что посторонние вообще не могут полностью описать действие, так как наш внутренний мир закрыт от них, а нам приводят аргумент, в соответствии с которым именно по этой причине мы и не можем непредвзято реконструировать реальное действие.

3. В истории осмысления преступлений национал-социализма вновь и вновь встречается отказ соотнести содеянное с моральными правилами. Особенно большую роль играет в данном случае апологетический релятивизм. Приверженцы такого рода аргументации утверждают, например, что наши современные моральные суждения неприменимы к решениям и действиям, других людей в другие эпохи или в других культурах. Чтобы лишить силы такое воззрение, следует показать, что свод моральных правил, которым руководствовались палачи в национал-социалистском государстве, не отличался существенно от нашего современного — так же, как он не отличается и для двоих людей, живущих сегодня в немецком культурном пространстве, которые, как правило, не могут продемонстрировать абсолютно идентичный набор моральных норм и ценностей.

В соответствии с другим аргументом существуют ситуации, когда неприменим обычный свод моральных норм, который мы используем в жизни, так как это ситуации фундаментально иного характера. Во время войны, утверждают сторонники такой аргументации, морали не существует и все дозволено. На это можно возразить двояким образом. Во-первых, немцы, осуществлявшие холокост, не находились в состоянии войны, и их противниками были не комбатанты, а испуганные, полуголодные, отчаявшиеся люди, почти целиком безоружные, если не принимать во внимание несколько восстаний, как, например, в 1944 г. в Варшаве, и до своего расстрела ни в коем случае не совершавшие никаких действий против Германии или вермахта. Во-вторых, даже если бы дела обстояли по-иному, если бы между еврейским населением Европы и национал-социалистским государством шла бы некоторого рода война, то никому нельзя прийти к идее, в соответствии с которой во время Второй мировой войны внезапно оказались лишёнными силы положения Гаагских конвенций об обычаях и законах сухопутной и морской войны (5). Тем самым не срабатывает аргумент, в соответствии с которым во время войны всё разрешено. Тем более моральное чувство не отключается, если люди надевают военную форму. Может быть, представ-

ления о морали расширяются и изменяются, но мораль не исчезает (6).

Гораздо труднее полемизировать против аргумента, в соответствии с которым высшей моральной максимой, введённой в процесс воспитания большинства преступников в национал-социалистском государстве, было требование повиновения в профессиональной жизни. И действительно, в Европе, и прежде всего в Германии, до настоящего времени распространено представление о том, что, — совершенно независимо от военных понятий о повиновении, — служащий обязан повиноваться начальнику и в том случае, если возложенная на него задача неприятна или служащий не считает её правильной. Если это и действительно высшая максима, то с общественной моралью в целом и вправду что-то не так. Но эта максима имеет определённые слабые места, по крайней мере в том, что официально провозглашается в качестве общественной морали. В конфликте двух моральных норм большей частью оказывается сильнее та, которая на всем протяжении конфликта снимает действие другой (7). В христианском воспитании роль такого рода максим играют десять заповедей, в гуманистической традиции — права человека. В целом от действующего субъекта ожидают, что он будет осмысливать границы долга и повиновения, если возникает конфликт с «основными моральными ценностями». Мы ставим в вину полицейскому то, что он не занял такую позицию, если тот следовал указаниям своего очевидно коррумпированного начальника, но должны поставить то же самое в вину и преступникам из национал-социалистского государства, если они ссылаются на необходимость повиноваться. К тому же повиновение должно было бы в данном случае означать следование немецкому военному кодексу, который действовал и применительно к полиции и её вспомогательным формированиям. Этот кодекс со всей недвусмысленностью объявлял незаконными и такого рода действия, как массовые расстрелы безоружного гражданского населения, грабежи, изнасилования, поджоги и т. д. (8).

4. И тому, кто готов применить свой моральный канон к анализу преступлений национал-социалистского режима, не следует с неизбежностью приходиться к моральной оценке. Вновь и вновь слышатся голоса тех, кто, подчёркнуто ссылаясь на моральные правила, отвергают их применимость к рассматриваемой ситуации национал-социалистских преступлений. Это несколько иная позиция, нежели простой отказ вообще допустить проверку происшедшего с моральных позиций. Важнейший аргумент в пользу неприменимости моральных правил к рассматриваемой ситуации заключается в том, что

человек, жизнь которого находится под угрозой, в известной степени возвращается в доморальное состояние. Это аргумент, нацеленный в основном на гражданские формы морали. В гражданской жизни господствует определённое единство мнений относительно того, что ни от кого нельзя требовать соблюдения моральных заповедей, если следование им сопряжено с серьёзной угрозой здоровью и жизни соблюдающего их лица. Можно разве что восхищенно преклоняться перед тем, кто, невзирая на опасность, следует требованиям морали. Такого рода оглядка на собственную брэнность элиминируется в военной жизни насколько возможно уже в процессе подготовки военнослужащих. Тем не менее в соответствии с этим аргументом солдат или полицейский, который во время холокоста последовал бы моральному долгу, т. е. отказался выполнять приказ об убийстве, сам оказался в смертельной опасности. Но на это можно, во-первых, возразить, что в условиях холокоста такого «положения принудительного исполнения противоправного приказа» не было даже там, где, например, участие в массовом расстреле не являлось добровольным. Существовала возможность отказаться от выполнения таких приказов, и действительно, во время Второй мировой войны подобные случаи отмечались повсеместно, вновь и вновь, причём полицейским или солдатам, поступившим таким образом, грозило со стороны их начальников нечто большее, нежели не присвоение очередного звания или несколько жестких замечаний (9). Это было настолько общеизвестно, что не выдерживает критики и слабый апологетический аргумент, в соответствии с которым существовало всё-таки «мнимое положение принудительного исполнения противоправного приказа», т. е. ситуация, когда соответствующие лица были вопреки фактам убеждены в том, что находятся в положении принудительного исполнения противоправного приказа.

Но даже если бы так и было, то аргумент, согласно которому в случае угрозы собственной жизни прекращается применимость морали, несомненно, проблематичен. В новое время такой аргумент был впервые сформулирован Гоббсом. Он полагал, что в случае угрозы жизни — например, если речь идёт о приговорённом к смертной казни или о солдате, находящемся в безвыходной ситуации — никто не может обязать человека продолжать подчиняться общественному договору, который был для Гоббса предварительным условием всей социально согласованной морали. Человек возвращается в первобытное состояние, существовавшее до договора. В этом состоянии все средства были хороши, чтобы избавиться от угрожающей ситуации — солдаты могли дезертировать, приговорённые к смерти — убивать своих тюремщиков и тем более палачей. Но

важнейший аргумент против такого ухода с позиций морали формулирует уже Сократ в диалоге «Критон». «Если я, — таков смысл слов Сократа, приговорённого к смерти, — спасся бы от казни с помощью бегства, то после мне пришлось бы оправдываться перед законами. Всю свою жизнь я пользовался их покровительством; если же они теперь обратятся против меня, то как теперь, отступившись от них, мог бы я так вредить им и ослаблять их? Пожалуй, я оказался бы потом в мире, в котором не хотел бы жить, а именно в мире, где больше не действуют законы». Этот аргумент сводится в конце концов к вопросу о том, хотел бы каждый действующий субъект жить в мире, в котором отменены моральные критерии, коль скоро кто-то чувствует угрозу здоровью и жизни и хотел ли бы он жить как человек, который знает о себе, — и должен предполагать, что это известно и другим, — что в случае угрозы своей жизни он готов отказаться от всех моральных ценностей и норм.

Столь же хитроумными, — поскольку они очень точно учитывают конкретные факты, — являются и аргументы, в соответствии с которыми «и другие совершали военные преступления», «насилие стало в Германии чем-то нормальным в ту пору, когда мы сами были ещё наполовину детьми» или «все мы участвовали». Очевидно, в данном случае преобладает единство взглядов относительно того, что не может быть аморальным то, что делает и считает нормальным большинство людей. Если последовать этой аргументации, то и тезис Гольдхагена о народе палачей и соучастников станет блестящей апологией собственных убийц; просто счастье, что эта идея не бросилось в глаза тем, кто в Германии разделяет такие взгляды (10). Но следует, в том числе и ради опровержения тезиса Гольдхагена, сказать, что и в национал-социалистском государстве соучастие в военных преступлениях и преступлениях против человечности было делом меньшинства. Массовое убийство всегда представляло собой исключение, ситуацию, исключительную в моральном отношении. Его осуществляло исчезающее малое меньшинство населения, вполне понимавшее, что позже ему будет крайне трудно оправдать свои действия перед семьей, как и вообще в гражданской жизни (11). К тому же здесь не наблюдается консенсус, столь широко распространённый в других случаях. Например, едва ли кто-нибудь в Германии счёл бы безупречными в моральном отношении осуществляемые в Судане обрезания, производимые над маленькими девочками потому лишь, что существует несомненно широкое общественное согласие, включающее и женщин в Судане, и участники этого консенсуса полагают подобные действия нормальными. Но нельзя всякий раз объявлять моральные правила не имеющими силы, если это случайно служит апологетическим намерениям.

5. Приведённый выше аргумент о мнимом положении принудительного исполнения противоправного приказа связан с другим пунктом, в котором может потерпеть неудачу процесс установления вины. Утверждают, что тот, на кого возлагается вина, невиновен в моральном или даже юридическом смысле, так как он только исполнял приказы. Полное описание действий, когда речь идёт о национал-социалистских преступлениях, содержит важную оценку уже в констатации того факта, кто, собственно, был действующим лицом. После 1945 г. как обвинявшиеся, так и общественность в целом пытались создать впечатление, что виновные действия не могут быть вменены настоящим преступникам, так как они, собственно, не были действующими лицами холокоста. Такая позиция опиралась на предположение о том, что действующим лицом мог быть только тот, кто действовал не только намеренно, но и автономно. Первое утверждение едва ли можно было оспаривать: тот, кто стреляет из автомата в лежащего в яме полуголого человека, вряд ли связывал со своим действием какое-либо другое намерение, кроме намерения убивать, даже если это намерение может быть тесно связано и с каким-либо другим. Оспаривалась автономность действующего лица, так что о «действующем лице» в собственном смысле слова нельзя было якобы и говорить. В этом смысле и немецкое правосудие называло Гитлера, Гимmlера, Гейдриха и т. д. «главными исполнителями» национал-социалистских преступлений. Напротив, можно легко показать, что большинство участников массовых или единичных убийств были вполне автономны — потому уже, что они большей частью добровольно вызывались для выполнения такого рода «дел». Но важнее нечто другое, а именно, приводит ли рассмотрение вопроса об автономности в отношении преступников национал-социалистского государства к принципиально иным ответам, нежели рассмотрение вопроса об автономности в другой связи, где едва ли кто-либо на основе одного лишь вопроса об автономности оспаривает тот факт, что исполнитель действия был реальным действующим лицом. Это касается возложения как моральной, так и юридической вины. Если кто-нибудь отрицает свою вину, говоря «Да я и сделать ничего не мог», «Мне надо было это делать» или «Я действовал в соответствии с приказом», мы, как правило, воспринимаем такого рода доводы как нехитрую увертку. То, что в юридическом отношении может быть, вероятно, принято в качестве смягчающего обстоятельства, не освобождает никого от моральной ответственности за содеянное. Трудно понять, почему эта максима не должна иметь силы и применительно к преступлениям, совершенным в национал-социалистской системе.

6. Тому, кто признает, что совершенные в национал-социалистском государстве действия, имеющие целью убийство, были виновными действиями, нельзя не признать, что виновны и те, кто при описании действия были названы в качестве непосредственно действовавших. Тем не менее время от времени отвергается и этот вывод из двух принятых предпосылок. Тем не менее временами встречается отказ сделать вывод и из этих двух принятых посылок. Но важнее в данном случае тот факт, что сделать выводы отказываются историки, и именно в тех случаях, когда такие выводы необходимы. Они говорят порой о виновных действиях и, конечно же, о действующих лицах. Но лишь немногие делают следующий шаг однозначной моральной оценки, в своих описаниях показывая действующих как тех, кто стал виновными. Тем самым они отказываются от важной характеристики исторического, ибо человеческое понимание исторического большей частью — пусть даже не всегда и, может быть, не в первую очередь — является и моральным пониманием. Если историки отказываются от этого, они ампутируют детерминанту человеческого понимания, без которой, вероятно, не могут быть поняты многочисленные обстоятельства исторических событий. Но в любом случае будет трудно познакомить дилетантов, мало на что способных с их бескровным пониманием, с результатами исторических исследований. Историки охотно выступают против утверждений о том, что моральная оценка не является их задачей. Они лишь выступали по поводу фактического, поддававшегося реконструкции, а моральные оценки оставались на усмотрение каждого индивида или, может быть, юристов, философов и теологов. Но помимо того, что охарактеризованная позиция оставляет за скобками вопрос о том, насколько же мало можно справиться с человеческим пониманием с помощью, так сказать, разделения труда, результаты исторических исследований читаются дилетантами и без того как нечто содержащее моральный подтекст, а отсутствие моральной оценки понимается или — предположим в пользу нашей дисциплины — ложно понимается как извинение. Именно этот извинительный мотив, проявляющийся в отходе на позиции простой систематизации при абстрагировании от отдельного случая с его человеческим измерением Гольдхаген вполне оправданно ставит в упрек исторической науке, пусть даже необоснованно не делая различий между отдельными её представителями (12). Поэтому историческая наука должна найти дорогу — к сожалению, можно лишь в очень малой степени говорить о возвращении! — к такому пониманию исторического, которое подразумевало бы и моральную оценку, ибо без такой оценки не может быть подлинного понимания.

7. Моральная оценка является, собственно, неполной без договоренности о возложении вины в межличностных отношениях. Но именно с этим у многих людей и связаны большие трудности, причём мы не имеем в виду, что настоящим преступникам трудно говорить о своей вине. В обществе, в котором ясная моральная оценка национал-социалистских преступлений и тех, кто их совершал, все ещё остается табу и эта тенденция скорее усиливается, в аутсайдера превратится сначала тот, кто не скрывает свою моральную оценку. Этим отчасти объясняются протесты, вызванные книгой Гольдхагена и выставкой о военных преступлениях вермахта. Эти протесты были направлены за пределы любых объективных дискуссий против общеизвестной догмы об отказе от общественной и научной значимости отдельных деяний и преступников, рассматривавшихся по ту сторону общего осуждения национал-социалистского государства и, может быть, даже Гитлера и Гимmlера.

В первые годы Федеративной республики отказ назвать виновных и тем самым открыто вести общественную дискуссию мог бы быть важен для того, чтобы не допустить отчуждения от нового демократического строя большинства населения, которое все ещё было тесно связано с фашизмом. Федеративная республика должна была стать родиной для каждого, кто не был в значительной степени и непосредственным образом вовлечен в преступления. Даже и тогда, например, в деле Оберлендера, западногерманское общество продемонстрировало удивительную сопротивляемость ко всем попыткам обнародовать вину, которую возлагала общественность и тем самым принудить Оберлендера взять на себя моральную ответственность за свои действия в годы национал-социалистского режима (13). Только движение протеста в 1968 г., правда, оставаясь аутсайдером недовольного общества, смогло разрушить всеобщий консенсус, заключавшийся в стремлении не допустить гласного указания на виновность. Ярким примером прорыва этого консенсуса, сказавшимся далеко за пределами Германии, стала пощечина Беаты Кларсфельд Курту Георгу Кизингеру, который должен был считаться виновным по крайней мере в моральном отношении и таким образом был призван признать наконец свою ответственность. Но в то же время Беата и Серж Кларсфельд добились открытия общей дискуссии по вопросу о вине — хотя бы в этом отдельном случае. Реакция на телесериал «Холокост» привела затем на короткое время к общей дискуссии о вине и прежде всего к чёткому указанию виновных. Но в Федеративной республике очень быстро произошло возвращение к практике накладывания табу на акт возложения вины. Адресуемый вермахту, немецкой полиции, министерству иностранных дел, ве-

домствам труда и здравоохранения, железнодорожному ведомству и т. д. упрек в их моральной вине рассматривается среди историков как нечто неделекатное, а общественность считает это покушением на одну из опор современного общества. Не только бывшие военно-служащие вермахта и их потомки почувствовали себя задетыми выставкой. И в бундесвере тоже никак не были счастливы, даже если его руководство, вполне отдавая себе отчет в общественном резонансе выставки, благоразумно воздержалось от слишком уж резких комментариев.

До сих пор речь шла лишь о том, почему внутри западногерманского общества так часто заканчивались неудачей моральная оценка национал-социалистских преступлений и вытекающее отсюда возложение вины. Но это полностью оставляет без ответа вопрос о том, как сами обвиненные, сами палачи относились к своей вине. Как обращался отдельный человек со своей виной или, иными словами, почему именно у самих убийц, у приговоренных к смертной казни или пожизненному заключению, наблюдается столь мало признаков частного, не говоря уже о публичном, признания вины, её принятия? Даже в тех случаях, когда чувство вины на частном уровне несомненно проявлялось, её публичные признания, не говоря уже об извинениях перед жертвами или их оставшимися в живых близкими едва ли наблюдались. Преступники, приговоренные на Нюрнбергском процессе к смертной казни, в своём последнем слове ещё раз отвергали всё, что вменялось им в вину. То же касается и осуждённых членов айнзацкоманд или охранников концлагерей. Один из примеров — руководитель айнзацкоманды Карл Егер, под руководством которого осуществлялось убийство литовских евреев. В показаниях, которые Егер дал во время следствия, проводившегося по его делу, он не раскаивался, называя лишь других, прежде всего Йоахима Хамана, в качестве виновных за деяния, вменявшиеся ему в вину (14). Это тем более примечательно, что существуют многочисленные доказательства того, как Егер ещё во время войны прямо-таки терзался тяжёлым чувством вины, не мог взять на руки своих внуков, не вспоминая об убитых детях, страдал депрессиями и нарушениями сна и чувствовал даже, что его преследуют духи жертв (15). Но, если не рассматривать его самоубийство как публичное признание вины, то нет никаких признаков покаяния Егера, продемонстрированного общественности.

Чтобы понять, почему столь немногие преступники были способны признать вину перед самими собой, не говоря уже о публичном признании, следует принять во внимание ту функцию, которую имеют личная и общественная биография для отдельного человека

и разобраться в том, какова, в свою очередь, функция обеих этих биографий для общества, которое формирует индивида и пытается руководить им.

Если то, что сделал человек, рассматривается хотя бы несколькими людьми как нечто предосудительное и тот, кого это касается, знает о такой позиции, если он к тому же — может быть, уже в момент действия — знал, что его действие будет в соответствии с общепризнанными моральными максимами европейской культуры рассматриваться как нечто предосудительное, то он должен научиться обращению с обвинением, которое по крайней мере потенциально может быть выдвинуто против него. Возможными стратегиями в таком случае являются отрицание вины, защита и признание вины. При этом признание вины, не говоря уже о внутреннем согласии с обвинением, представляется наиболее трудным шагом. В этом нет специфики, касающейся только национал-социалистских преступлений. Никто из нас не признает с большой охотой ошибки, совершенные в прошлом. Мы знаем с детства, что признание ошибки с неотвратимостью ведёт к наказанию, избежать которого нам хотелось бы при всех обстоятельствах. Но признание вины бросает и неблагоприятный свет на нашу биографию, на наш характер. Для нас важно, какими мы видим самих себя, и никто не увидит себя с охотой в качестве убийцы, никто не увидит себя с охотой человеком, который, не обращая внимания на мораль, безоговорочно исполняет любой приказ. Мы не хотим предстать в таком облике и перед другими уже потому, что быть хоть сколько-нибудь моральным человеком — это одно из условий для того, чтобы быть полностью интегрированным членом человеческого общества. Но в то же время и общество не хочет, чтобы мы представляли себя таким образом, в особенности в том случае, если наши действия так тесно связаны с деятельностью общества, как это было в случае национал-социалистских преступлений. Ведь те, кто совершали их, действовали по приказу государства или, во всяком случае, в контексте государственных намерений. И уж тем более наше ближайшее окружение, которое воспроизводит многое из того, что является общественным влиянием, не хочет открытого признания нами своей вины. Практически все члены семьи должны опасаться, что виновные открыто признают свою вину — например, жены, так как брак с человеком, неожиданно оказавшимся сомнительным в моральном отношении, свидетельствует по меньшей мере о плохом вкусе и малом знании людей. Этому приходится страшиться и детям, так как образ отца является для них важной частью картины мира, которая теперь начинает колебаться — прежде всего потому, что наличие такого отца

будит у многих современников подозрение в том, что в результате наследования или воспитания нечто от нездорового образа мыслей можно найти и в детях. Опасаются и родители, так как им приходится признать перед самими собой, а, может быть, и перед другими, серьёзные ошибки, допущенные в воспитании детей. Опасения охватывают родных и друзей, ибо состоять в родстве или быть в дружбе с такими людьми означает выставить и себя в неблагоприятном свете и внезапно представить в столь же неблагоприятном свете общие воспоминания, из которых в значительной степени состоит дружба.

К этому часто прибавляется, затрагивая прежде всего жену и детей, прямая угроза материальному благополучию, возникающая в результате юридического преследования, которое становится возможным после публичного признания вины. С такой проблемой родственники лиц, совершавших преступления, организатором которых выступал национал-социалистский режим, сталкивались так же, как и родственники других лиц, обвинявшихся в преступлениях. Поэтому для преступника, в особенности же для того, кто замешан в национал-социалистских преступлениях, признание своей вины не было и не является легким шагом.

Конечно, говоря о многих национал-социалистских преступниках, можно предположить, что они и сегодня совершенно не осознают своей вины. Правда, они знают, что многие современники, а сегодня, может быть, даже и большинство, находят в их действиях вину, но они сами не разделяют эти взгляды. Следовательно, в таком случае не являются необходимыми стратегии, которые позволяют скрыть собственное чувство вины, а надлежит найти ответы на вопрос о том, почему столько современников и, может быть, даже большинство их пришли к другой моральной оценке национал-социалистских преступлений. Весьма популярным оказывается в такой ситуации ответ, согласно которому, чтобы правильно понять содеянное, следует «самому быть там». Такая позиция означает в невысказанной форме, что важные элементы происшедшего не могут быть сообщены с применением различных способов передачи воспоминаний и эмоций. Если признать этот аргумент юридически состоятельным, то нельзя было бы осудить никого, кто совершил насильственное преступление, например, ни одного насильника. Ведь суд и вправду не может воссоздать момент эксцессивной агрессии, предшествующий такому деянию, иначе судьи оказались бы по другую сторону барьера. Но они, как правило, вполне способны настолько воспроизвести мотивы, чтобы вынести обоснованный приговор. И это точно так же имеет силу применительно к моральным ценностям. Использование каких бы оправданий ничего не меняет в том факте, что в результате

определённых действий нарушается некоторое число моральных правил, и нарушение это не компенсируется более высокими моральными ценностями.

Но и тому, кто считает все обвинения принципиально неправильными, время от времени грозит опасность утратить уверенность в своих моральных самооценках. Это может произойти прежде всего не в такой ситуации, когда, как в начале 50-х гг., большинство населения более или менее открыто поддерживало такую уверенность, а, напротив, в ситуации 70-х гг., когда либеральная общественность вновь и вновь ставила её под вопрос. В принципе здесь необходимо различать между вытеснением возможных изменений в оценке собственного действия и отпором всем влияниям извне, возможно, способствующим такому изменению. Эти процессы можно охарактеризовать формирование внутренних и внешних табу. Тот факт, что преступники не были готовы и не проявляют готовности говорить, — и уж тем более с критиками, — о холокосте, объясняется и намерением защитить от всех покушений свою идентичность, в значительной степени зависящую от воспоминаний о содеянном и от определённой оценки этого, превращенной в некую частную догму.

Интереснее тех, кто, основываясь на собственном убеждении, отклоняют возложение вины, оказываются те, кто оспаривают виновность вопреки собственному убеждению и, пожалуй, в мучительном процессе вытесняют собственное сознание вины. Но если, как было показано выше, из признания вины едва ли можно извлечь какую-либо выгоду в нашем обычном понимании, облагородив свою биографию, то не особенно удивит тот факт, что соучастники национал-социалистических преступлений не проявляли готовности публично признать себя виновными (16).

Но западногерманское общество после 1945 г. и без того отнюдь не было ориентировано на то, чтобы сделать возможным осмысление содеянного для преступников, отказывая себе самому в осмыслении роли попутчиков и пособников. Тем самым заинтересованность преступников в том, чтобы не говорить о своих делах, соединилась с желанием общества — от его самых малых ячеек вроде семьи и друзей до крупных организаций, партий, церквей и т. д. Все они чувствовали себя надежно и хорошо устроенными в атмосфере консенсуса, сложившегося в обществе вокруг создания определённых табу.

Нельзя недооценивать важность табу в 50-е гг. Общественная дискуссия не превратила преступников в аутсайдеров и не сорвала с них маски, а, напротив, показала, насколько мало предосудительным или даже проблематичным был для большинства немцев холокост.

И дело не в том, что, как полагает Гольдхаген, немецкий народ состоял сплошь из более или менее радикальных антисемитов, а в том, что следование приказам или даже выраженным в общей форме желаниям начальства было для немцев добродетелью, не подлежащей обсуждению. Общественная дискуссия обнаружила бы, вероятно, не уменьшившиеся симпатии большинства к национал-социалистскому государству и обрекли бы на неудачу начатый Бонном демократический эксперимент.

Но столь же важно наступательно вести дискуссию вокруг моральной оценки национал-социалистских преступлений именно сейчас, когда демократия в Германии, как представляется, не находится под угрозой ни справа, ни слева, а сталкивается с новыми опасностями со стороны мафиозных синдикатов и крупных концернов. Реакция на выставку, посвященную вермахту, показала, что большинство этого общества хочет сохранить приверженность полюбившемуся табу. Табу взламывались лишь на краткое время в результате движения протеста 1968 г., фильмов «Холокост», «Список Шиндлера» или «Жизнь прекрасна». Необходимо шаг за шагом преодолеть их. Это необходимо не столько в интересах жертв, которым не так уж и нужно такое погружение немецкого народа в самого себя, сколько ради нормального отношения к собственной истории. Нормального отношения к истории не приходится ожидать до тех пор, пока существует почти полное табу на моральную оценку важной эпохи. А без нормального отношения к собственной истории и признания вины в ней едва ли образуется новая европейская нация немцев, представляющаяся столь настоятельно необходимой после воссоединения Германии и начавшегося нового прорыва в Европу.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Должны быть добавлены и разные другие факторы, но в данном случае имеет значение только целенаправленность. *Davidson Donald. Essays on Actions and Events.* — Oxford, S.83–102.

2. Описание действия будет полным в том случае, если названы все элементы, адекватные поставленному вопросу. Поэтому полное описание в моральном контексте будет иным, чем, например, соответствующее описание в контексте физическом или военно-историческом. В противном случае пришлось бы, смиряясь с судьбой, констатировать, что полного описания не может быть, так как все элементы действия и его контекста никогда не могут быть описаны до последнего. В любом случае можно было бы говорить об удовлетворительном и неудовлетворительном описании.

3. Обрисованный процесс предполагает интерес к моральным вопросам. Он не является врожденным, моральные оценки не обладают одинаковой ценностью для

всех людей. И, конечно, даже самый святой едва ли мог утверждать, что всегда и повсеместно руководствовался и руководствуется моральным императивом как существенной максимой.

4. Я попытался показать это на примере охранного батальона вспомогательной полиции. — *Stang K.* Kollaboration und Massenmord — Die litauische Hilfspolizei, das Rollkommando Hamann und die Ermordung der litauischen Juden. — Frankfurt/M., 1996, S.134–140.

5. Несколько сложнее ситуация с Женевской конвенцией. В ходе войны против СССР Германия не признавала её обязательности для своих военнослужащих, используя в качестве формального аргумента тот факт, что СССР не ратифицировал конвенцию. Не говоря о несостоятельности такой аргументации, отсутствует подобная декларация германских властей относительно европейского еврейства. Помимо некоторых параллелей в пропагандистских текстах не существует никаких указаний на то, что кто-либо в национал-социалистском государстве рассматривал убийство европейских евреев как часть войны.

6. Представления о товариществе, конечно, играют в солдатской жизни, в которой солдат рассматривает воинскую часть как своё естественное сообщество, гораздо большую роль, нежели в жизни гражданской. Способность гражданской морали к сопротивлению предстает в не особенно привлекательном свете с учётом того факта, что и после 1945 г. особые военные формы морали находили всё более широкий доступ в гражданскую мораль. Так, оценка «предатель по отношению к товарищам», первоначально позиционированная только в военном контексте, сегодня неотрефлектированно применяется и в гражданской жизни. Милитаризации языка, на которую сетуют вновь и вновь, соответствует милитаризация морали. Это происходит и в том случае, если в фирмах и ведомствах всё в большей мере вводятся парамилитаристские формы обязательств о сохранении тайны или следованию строгим приказам, напоминающим своей многочисленностью длинную цепь.

7. Хэйр говорит об «оседлавших принципах». — *Hare R.M.* Moral Thinking: Its Levels, Method, and Point. — Oxford 1981, S.55. При этом он отличает нормы и ценности, только «оседлавающие» другие, от таких, от которых исходит принципиальное доминирование.

8. Основополагающее значение имел в данном контексте § 47. Правда, Буххайм обоснованно указывает на то, что вненормативный характер массовых убийств был ясен всем участникам холокоста, так что в ссылке на эту нормативную инстанцию есть нечто гротескное; *Buchheim Hans.* Befehl und Gehorsam. Gutachten für den Auschwitz-Prozeß 1964, перепечатано в Ders., Broszat Martin, Jakobsen Hans-Adolf und Krausnik Helmut. Anatomie des SS-Staats. Bd.1. — München, 1967, S.215–318. Но такая ссылка превратила бы того, о ком идёт речь, в аутсайдера, не желающего вместе с сообществом палачей дрейфовать от нормативного к ненормативному. Правда, действие § 47 при совершении убийств по приказанию национал-социалистских властей, приостанавливалось фактически, а не официально.

9. Ebd., S.290. Важнее оказывались социальные санкции со стороны войск, осуществлявших расстрелы, где тот, кто отказывался выполнять приказ об убийстве, превращался в изгоя, т. е. играл роль, с которой едва ли мог надолго примириться какой-либо полицейский или солдат, находившийся далеко от родины, далеко от всех социальных связей с семьей и друзьями.

10. *Goldhagen Daniel Jonah.* Hitler's Willing Executives: Ordinary Germans and the Holocaust. — Londond, 1966, в разных местах, в том числе S.128.

11. Тем самым я не хочу преуменьшить значение пособников и духовных предшественников холокоста, группы, насчитывавшей миллионы человек, но намерен

лишь указать на то, что между антисемитскими предрассудками общего характера, сколь бы общи они ни были, и массовыми убийствами в Бабьем Яру или Освенциме всё же существовало огромное различие — второе не было простым продолжением первого.

12. *Goldhagen*. Op. cit., S.5–6.

13. С 1939 г. Теодор Оберлендер был председателем «Союза немцев Востока», организации, которая, основываясь на своей изначально проникнутой враждебностью к славянству позиции, имела задачей воспитание немецких поселенцев Центральной и Восточной Европы как военного сословия крестьян, охраняющих границы. В Федеративной республике Оберлендер продвинулся по служебной лестнице, став министром по делам изгнанных, но в 1960 г. был вынужден уйти в отставку, когда стало известно, что федеральная прокуратура начала против него расследование. Оберлендера подозревали в том, что он как военнослужащий немецко-украинского батальона «Нахтигаль» участвовал осенью 1941 г. в многочисленных массовых казнях. Признания вины со стороны Оберлендера, не говоря уже о раскаянии, не последовало, и для климата в Западной Германии тех лет характерно то обстоятельство, что он в 1963 г. снова смог выдвинуть свою кандидатуру в бундестаг.

14. Показания Карла Егера от 10.04.1959; Ludwigsburg ZSt 5 AR-Z 14/1958 (Jäger), Bd. 1, Bl. 227–241; 08.05.1959, ebd., Bd. 1, Bl. 383–409; другие показания 15.06.1959, ebd., Bd. 1, Bl. 1885–1941.

15. Показания бывшего Иоста от 17.02.1959, ebd., Bd. 1, Bl. 263–269.

16. Не обсуждались, так как были крайне редки и не поддавались реконструкции на основе показаний и записей случаи, в которых кто-то считал публичные признания ошибочными, но, тем не менее, движимый конформистскими соображениями, признавал себя виновным, просил прощения у жертв, а то и выступал на публичных мероприятиях, направленных против фашизма.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БОРДЮГОВ Геннадий Аркадьевич — кандидат исторических наук, доцент МГУ им. М.В. Ломоносова и Института европейских культур РГГУ, руководитель научных проектов и издательских программ АИРО.

ГЕЕР Ханнес — руководитель проекта «Истребительная война. Преступления вермахта в 1941–1945 гг.» (Институт социальных исследований в Гамбурге).

ГОРЦКА Габриэле — доктор философии, руководитель Научно-исследовательского центра «Восток–Запад» Кассельского университета.

ЕПИФАНОВ Александр Егорович — подполковник, доктор юридических наук, профессор Волгоградской академии МВД РФ.

ЛЁШИН Михаил Георгиевич — полковник, кандидат исторических наук, заместитель начальника Управления зарубежной военной истории Института военной истории Министерства обороны РФ.

РЫБАЛКИН Юрий Евгеньевич — полковник, кандидат исторических наук, в 1995–1998 гг. начальник Отдела Института военной истории Министерства обороны РФ, в настоящее время — руководитель подразделения Правительства Москвы.

ШТАНГ Кнут — профессор права, преподаватель юридических институтов в Германии и Канаде.

В 1999–2005 гг. в серии вышли:

- Выпуск 1 — «Своё» и «чужое» прошлое в постсоветских государствах.
- Выпуск 2 — *И. Ротарь*. Ислам и война.
- Выпуск 3 — *М.И. Мельтюхов*. Канун Великой Отечественной войны: дискуссия продолжается.
- Выпуск 4 — *Стивен Коэн*. Изучение России без России (крах американской постсоветологии).
- Выпуск 5 — *Г. Бордюгов, В. Бухараев*. Национальные истории в революциях и конфликтах советской эпохи
- Выпуск 6 — *К. Вашик*. Представление исторического знания и новые мультимедийные технологии.
- Выпуск 7 — *Д.Ю. Гузевич*. Кентавр или к вопросу о бинарности русской культуры.
- Выпуск 8 — *Е. Котеленец*. Харизматический властный союз. Новейшие исследования о Ленине и его политическом окружении.
- Выпуск 9 — *Дирк Кречмар*. Искусство и культура России XVIII–XIX вв. в свете теории систем Никласа Лумана.
- Выпуск 10 — *В.Э. Молодяков*. Берлин–Москва–Токио: к истории несостоявшейся «оси». 1939–1941.
- Выпуск 11 — *О.Г. Буховец*. Постсоветское «Великое Переселение народов»: Беларусь, Россия, Украина и другие.
- Выпуск 12 — *И. Ротарь*. Под зелёным знаменем Ислама. Исламские радикалы в России и СНГ.
- Выпуск 13 — Новые концепции российских учебников по истории.
- Выпуск 14 — *Беттина Зибер*. Русская идея обязывает!?
- Выпуск 15 — *Сергей Александров*. Возникновение зарубежной России.
- Выпуск 16 — *Стивен Коэн*. Можно ли было реформировать советскую систему?
- Выпуск 17 — Великая война: трудный путь к правде. Интервью, воспоминания, статьи.

«АИРО-XX» В XXI ВЕКЕ*

2000

- Ю.А. Рыбалкин.* Операция «Х». Советская военная помощь республиканской Испании. Серия «АИРО — Первая монография».
- А.Ю. Бахтурина.* Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны. Серия «АИРО — Первая монография».
- Д.Ю. Гузевич.* Кентавр или к вопросу о бинарности русской культуры. Серия «АИРО — Научные доклады и дискуссии. темы для XXI века». Вып. 7.
- Е.А. Котеленец.* «Харизматический властный союз». Новейшие исследования о Ленине и его политическом окружении. Серия «АИРО — Научные доклады и дискуссии. темы для XXI века». Вып. 8.
- Дирк Кречмар.* Искусство и культура России XVIII–XIX в. в свете теории систем Никласа Лумана. Серия «АИРО — Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 9.
- В.Э. Молодяков.* Берлин–Москва–Токио: к истории несостоявшейся «оси». 1939–1941. Серия «АИРО — Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 10.
- О.Г. Буховец.* Постсоветское «великое переселение народов»: Россия, Беларусь, Украина и другие. Серия «АИРО — Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 11.
- Историки России. Послевоенное поколение. Сост. *Л.В. Максакова.*
- Ф.Ф. Торнау.* Воспоминания кавказского офицера.
- Б. Чижков.* Подмосковные усадьбы сегодня. Путеводитель с картой-схемой.
- Мифы и мифология в современной России /Под редакцией *К. Аймермахера* и *Г. Бордюгова.* Предисловие *Ф. Бомсдорфа.*
- Политика по контролю кризисной смертности в России в переходный период. (Программа развития ООН/Россия).

* Об изданиях АИРО в 1993–1999 гг. см. подробнее: Г.А. Бордюгов, А.И. Ушаков. Поиски альтернативных структур в исторической науке. АИРО-XX: издательским программам 5 лет. М., 1998; Они же. Развитие альтернативных структур в исторической науке. АИРО-XX: издательским программам и научным проектам 10 лет. М., 2003.

Policies for the Control of the Transition's Mortality Crisis in Russia. (Unated Nations Development Programme/Russia).

2001

Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX — начало XX вв.). *Сборник документов*. Серия «АИРО — Первая публикация».

А.П. Ненароков. Последняя эмиграция Павла Аксельрода. Из цикла «В поисках жанра». Серия «АИРО — Монография».

И. Ротарь. Под зеленым знаменем. Исламские радикалы в России и СНГ. Серия «АИРО — Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 12.

Новые концепции российских учебников по истории /Сост. *К. Аймермахер, Г. Бордюгов, А. Ушаков*. Серия «АИРО — Научные доклады и дискуссии. темы для XXI века». Вып. 13.

Новый мир истории России. *Форум японских и российских исследователей — к 60-летию профессора Харуки Вада* /Под редакцией *Г. Бордюгова, Н. Исии, Т. Томита*.

Magister vitae. К 80-летию Л.И. Мильграма /Составители *М.Я. Шнейдер, Г.А. Бордюгов*.

Элита средств массовой информации. Россия 2001 год. *Опрос руководителей и журналистов в электронных и печатных средствах массовой информации*.

Человек и война (Война как явление культуры). *Сборник статей* /Под редакцией *И.В. Нарского и О.Ю. Никоновой*.

С.В. Константинов, А.И. Ушаков. История после истории. Образы России на постсоветском пространстве.

А.Г. Макаров, С.Э. Макарова. Цветок-татарник. В поисках автора «Тихого Дона»: от Михаила Шолохова к Фёдору Крюкову.

В углу: начало Гражданской войны глазами русских писателей. П.Н. Краснов, Ф.Д. Крюков, И.А. Родионов /Составители *А.Г. Макаров, С.Э. Макарова*.

2002

Беттина Зибер. «Русская идея» обязывает!? Поиск русской идентичности в общественных дискуссиях конца XX век. Серия «АИРО — Научные доклады и дискуссии. темы для XXI века». Вып. 14.

- Преодоление прошлого и новые ориентиры его переосмысления. Опыт России и Германии на рубеже веков. *Международная конференция. Москва, 15 мая 2001 г.* /Под редакцией К. Аймермахера, Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова.
- Промышленность Урала в XIX–XX веках. *Сборник научных трудов* /Под редакцией В.П. Чернобровина.
- Историки читают учебники истории. Традиционные и новые концепции учебной литературы /Под редакцией К. Аймермахера и Г. Бордюгова.
- Культура и власть в условиях коммуникационной революции XX века. *Форум немецких и российских культурологов* /Под редакцией К. Аймермахера, Г. Бордюгова, И. Грабовского.
- Б.И. Чехонин.* Как богатеют, не воруя (по странам и континентам).
- Synopsis operandi профессора Аймермахера /Составитель А.И. Ушаков.
- С.Б. Веселовский.* Подмосковье в древности. Три очерка.
- Федору Крюкову, певцу Тихого Дона.
- Вадим Смиренский.* Разбор сюжетов.

2003

- Развитие альтернативных структур в исторической науке. АИРО-XX: издательским программам и научным проектам 10 лет /Составители Г.А. Бордюгов, А.И. Ушаков.
- И.А. Гордеева.* «Забытые люди». История российского коммунитарного движения. Серия «АИРО — Первая монография».
- Исторические исследования в России—II. Семь лет спустя /Под редакцией Г.А. Бордюгова.
- In Memoriam. Г.М. Адибеков, С.В. Константинов, Ю.В. Соколов /Составители Г.А. Бордюгов и А.И. Ушаков.
- Мифы и мифология в современной России /Под редакцией К. Аймермахера, Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. Изд. 2-е, дополн.
- Национальные истории в советском и постсоветских государствах /Под редакцией К. Аймермахера, Г. Бордюгова. Предисловие Ф. Бомсдорфа. Изд. 2-е, испр. и дополн.
- Богатые и бедные в современной России. Аналитический доклад.
- Валерий Брюсов. Мировое состязание. Политические комментарии. 1902–1924 /Составитель В. Э. Молодяков. Серия «АИРО — Первая публикация в России».

Россия и страны Балтии, Центральной и Восточной Европы, Южного Кавказа, Центральной Азии: старые и новые образы в современных учебниках истории. Научные доклады и сообщения /Под редакцией Ф. Болсдорфа, Г. Бордюгова.

Мегаполисы и провинции в современной России: образы и реальность. Аналитический доклад.

Застольные речи Сталина. Документы и материалы /Сост., введение, комментарий. В.А. Невежина.

2004

Д.А. Андреев, Г.А. Бордюгов. Пространство власти от Владимира Святого до Владимира Путина. Краткий курс, X–XXI вв.

Булавинский бунт (1707–1708). Этюд из истории отношений Петра В. к Донским казакам. Неизвестная рукопись из Донского архива Федора Крюкова.

Из старых тетрадей. С.Б. Веселовский. Страницы из Дневника. 1917–1923. В.С. Веселовский. Встречи с И.А. Буниным в 1917 году. Итог революции и Гражданской войны.

Die Russischen Mittelschichten: Dynamik ihrer Entwicklung (1999–2003). Ein Analytischer Bericht.

Экономическая элита России в зеркале общественного мнения. Аналитический доклад.

Russlands «Oligarchen»: Die Russen und ihre Wirtschaftselite. Ein Analytischer Bericht.

Moskau und die Provinz: Wie groß sind die Gegensätze? Ein Analytischer Bericht.

Василий Молодяков. Бумажный парус. Стихотворения 1988–2000.

Ю. Сигов. Многоликая Малайзия.

А.А. Куреньшев. Всероссийский крестьянский союз. 1905–1930 гг. Мифы и реальность. Серия «АИРО — Монография».

Россия: удачи минувшего века /Г. Бордюгов, В. Молодяков, Б. Соколов, а также: В. Есаков, Е. Левина, Л. Мазун, Э. Молодякова, А. Полунов, Л. Федянина, Г. Ульянова.

Россия и Япония: соседи в новом тысячелетии. Сб. статей.

2005

Никита Дедков. Консервативный либерализм Василия Маклакова. Серия «АИРО — Первая монография».

- 1917: частные свидетельства о революции в письмах Луначарского и Мартова. Серия «АИРО — Первая публикация» (совместно с Издательством РУДН) /Под редакцией Г.А. Бордюгова и Е.А. Котеленец, сост. Н.С. Антонова и Л.А. Роговая, введ. Лотара Майера.
- П.Б. Уваров. Дети хаоса: исторический феномен интеллигенции. Серия «АИРО–Монография».
- С.И. Валянский. Теория информации и образование. Об условиях выживания России. Серия «АИРО–Монография».
- Прошлое и будущее российско-японских отношений: по следам Кацуро Таро, Гото Симпэй, Нитобо Инадзо. Материалы симпозиума (Москва, 4 октября 2004 г.) /Под редакцией Г. Бордюгова и В. Молодякова.
- Стивен Коэн. Можно ли было реформировать Советскую систему. Серия «АИРО — Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 16.
- Б.Г. Тартаковский. Всё это было... Воспоминания об исчезающем поколении. Серия «АИРО — Первая публикация».
- Н.С. Сидоренко. С мечтой о великой России. Уральские консерваторы и либералы в Государственной Думе (1906–1917 гг.). Серия «АИРО–Монография».

Истребительная война на востоке.
Преступления вермахта в СССР. 1941–1944.

Доклады.

Под ред. Габриэле Горцка и Кнута Штанга.

Дизайн и вёрстка — *Сергей Щербина*

ИД № 01428 от 05.04.2000

Подписано в печать с оригинал-макета 21.04.2005

Формат 60×80 1/16. Тираж 500 экз. Усл. печ. л. 6.

Научно-исследовательский центр АИРО-XX

E-mail: airo@online.ru

